

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Его называли любимым
оборотнем королевы.
Этот «оборотень» в
XIX веке в Англии убил
несколько человек под
покровительством самой
королевы. Через сотни лет
снова участились кровавые
преступления, приписывае-
мые Железному волку, о
котором предупреждал
еще Тиль Уленшпигель...

Елена АРСЕНЬЕВА

Личный оборотень королевы

Артефакт & Детектив

Елена Арсеньева

Личный оборотень королевы

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Личный оборотень королевы / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
2015 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-81456-5

Лидия Дуглас, несмотря на свою работу в журнале «Непознанное», всегда скептически относилась к экстрасенсам. Однако, когда ее саму стали посещать в видениях оборотни с железными зубами и копытами, а наяву один за другим стали гибнуть от подобных зубов неизвестного хищника люди, Лидия пересмотрела свое отношение к вопросу о сверхспособностях... Приехав в глухую деревню в качестве гувернантки для племянника помещика Чужанина, юная сирота Марья Шелестова узнала, что здесь свирепствовала банда самых настоящих оборотней, и она даже не могла представить, с каким опасным врагом ей предстоит сразиться за свою жизнь и жизнь своего воспитанника Алекса... Что же связывает этих девушек? И откуда на самом деле растут зубы и копыта у Железного волка?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-81456-5

© Арсеньева Е. А., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Елена Арсеньева

Личный оборотень королевы

© Арсеньева Е., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Из одного старого письма

Зоенька, ты извини, что пишу тебе о таком печальном... Наверное, тебе уже сообщили про Петра. Я не могу заставить себя прийти к вам – чувствую себя ужасно виноватым, хотя в чем я виноват? Ни в чем. Только в том, что остался жив, а он погиб. Но он мне сказал, что выйдет вокруг дома побродить, а зачем его за околицу понесло, даже не знаю. Может быть, услышал волчий вой и пошел посмотреть? Этот вой одна бабка тоже слышала, да ушам не поверила, потому что уже лет пять, как из этих мест все волки ушли. Ну, видать, один обратно приперся. Он зашел с подветренной стороны, Петр его даже не слышал. Волк подкрался – и прыгнул ему на спину. Перегрыз шею – и убежал, тела не тронул. Может быть, его что-то спугнуло.

Утром я спохватился, что Петра нет, пошел искать, а его уже пастух нашел, который проходил мимо со стадом. Там вокруг тела отпечатки коровьих копыт, коровы все другие следы затоптали. Хотя кто стал бы искать по следам этого волка?..

Милиционеры тоже толком не искали. Да все и так ясно...

Помню, я так обрадовался, когда Петя решил со мной поехать, помогать мне в деле с наследством. Да чтоб он сгорел, этот бабкин домик, если я из-за него такого друга потерял, такого верного друга и дорогого мне человека!

Зоенька, не обижайся, что не прихожу. С гибелью Петра что-то во мне сломалось, я сам не свой, все время чего-то боюсь, все время чудится, будто кто-то сзади подкрадывается. Плюнул я на это наследство, пусть дом забирает сестрица, век бы ее не видать!

Все говорят, что мне надо к невропатологу обратиться, что у меня теперь мания преследования развивается, если я все время оглядываюсь и даже в городе, на улице, жду, что на меня волк прыгнет.

Может, и обращусь, и даже не к невропатологу, а к психиатру.

Надеюсь, все же с силами соберусь и приду тебя с ребятишками навестить, только как я вам в глаза смотреть буду, даже не знаю: я-то жив, а Петр – нет...

Держись, Зоенька! Остаюсь твоим другом навсегда – Василий.

5 августа 1982 г.

* * *

Стоял поздний осенний вечер. Вихрями, с шуршанием носилась опавшая листва... потом ветер стихал так же неожиданно, как поднимался, и ненадолго воцарялись тишина и обманчивое умиротворяющее тепло. Тонко пахло надвигающимся дождем, еще далекими, но неизбежными заморозками, увяданием цветов, травы и листьев, немножко дымком – словом, всем тем, что составляет суть раннего октября.

Молодая женщина вышла из автобуса и медленно направилась к перекрестку, наслаждаясь этим тихим вечером. Она машинально перешагнула крышку канализационного люка, который по непонятной причине располагался как раз посередине тротуара, и с отвращением сморщила нос: оттуда остро несло газом.

Этот запах был таким же чужим среди осенних тонких ароматов, как грубая брань среди фортепьянных пассажей.

Женщина, задержав дыхание, пробежала вперед и с наслаждением сделала глубокий вдох, очищая легкие от вони. Пошла было дальше, но тотчас остановилась и растерянно оглянулась.

Улица была безлюдна, однако совсем недалеко, за кромкой сырой травы и нескольких полуоблетевших деревьев, стояли дома. Напротив, через дорогу, находились другие дома, а среди них и тот, где она с недавних пор снимала квартиру. Вечер переходил в ночь, почти все окна были уже темные. Люди ложились спать.

Женщине, которая шла с остановки, тоже хотелось спать, но запах газа, доносившийся из канализационного колодца, все же не давал покоя.

Она сунула нос в тонкий шелковый шарф и, осторожно дыша, вернулась к колодцу. Постояла, разглядывая крышку.

Обычная чугунная или какая-то там крышка. На ней буквы ГТС.

«Газовая тротуарная служба, – попыталась расшифровать женщина это буквосочетание. – Нет, скорее, территориальная! Газовая территориальная служба. Да без разницы, главное, что газовая».

В самом деле, смысл аббревиатуры значения не имел. Столько говорят и пишут о несчастных случаях, которые происходят из-за утечки газа!

Надо позвонить в аварийную.

Женщина отошла от колодца, отдышалась, достала мобильный телефон и набрала номер 04. Ответом ей была тишина. Набрала еще раз, опять послушала тишину и растерянно оглянулась.

Не сказать, что ей очень уж часто приходилось набирать номера экстренных служб, поэтому она совершенно не была уверена, что эти номера не изменились за то время, пока она не испытывала в них надобности. И, главное, улица совершенно пуста, спросить не у кого!

Хотя почему не у кого? Есть у кого!

Она сильно нажала на кнопку с цифрой 2. Функция быстрого набора мигом соединила ее с самым главным номером в ее жизни – телефоном родителей.

Отец наверняка знает, как надо звонить. Он вообще все знает.

– Аллю? – послышался мужской голос.

– Папа Саша, привет, – сказала женщина.

– А, Лидочек! – ласково отозвался мужчина. – Ты уже дома? Как вечеринка? Что-то рано ты ушла...

– Да ужас, – вздохнула Лидочек... гораздо чаще, впрочем, ее называли Лидией. – Я в редакции эту вечеринку такими красками расписала, мне все во главе с главным обзавидовались: как же, в «Райский сад» идем... Ну и что? Не ходила я на эти встречи выпускников и больше не пойду. Нет, ночные клубы не для меня. Эта музыка шизофреническая, эти жуткие коктейли какие-то химические... Наши там до утра намерены гужеваться, а я ушла. Слушай, папа Саша, ты не знаешь, как аварийную Горгаза вызывать?

– 040, – последовал ответ. – А что случилось?

– Да тут из канализационного люка газом пахнет. Я должна позвонить в аварийку.

– Должна, – повторил отец. – Ох уж мне это чувство долга! Может, я сам позвоню?

– Ты же не знаешь, где именно это находится, – возразила Лидия. – Как объяснишь, куда ехать? Я сама.

– Ну давай, – согласился отец. – Потом перезвонишь, расскажешь, как и что, ладно?

– Конечно, – ответила Лидия, нажала на сброс, зевнула – спать хотелось все сильнее! – и набрала 040.

Сначала чей-то голос с электронной любезностью предупредил ее, что – в целях улучшения качества обслуживания! – все разговоры записываются. Потом, после череды гудков, все же ответила диспетчер, которой, судя по голосу, очень хотелось спать. Может быть, она уже даже прилегла на каком-нибудь там служебном диванчике, а тут Лидия с ее канализационным люком с надписью ГТС, из которого газом несет...

– ГТС – это Городская телефонная сеть, – неприветливо сообщила диспетчер. – Каким образом оттуда газом может пахнуть?!

– Не знаю, – честно призналась Лидия. – Но пахнет.

– Вам не померещилось? – спросила диспетчер безнадежно.

– Совершенно нет, – с максимальной убедительностью ответила Лидия.

– Ладно, – подавила тоскливый вздох, а может, столь же тоскливый зевек диспетчер. – Приедет бригада. Где этот люк находится?

Лидия рассказала. Потом диспетчер спросила ее имя, фамилию, адрес и телефон. Услышав фамилию, недоуменно фыркнула, как, впрочем, и все, кто впервые слышал фамилию Лидии, и строго предупредила:

– Вы должны оставаться на месте обнаружения запаха до прибытия наших работников и следить, чтобы никто не курил вблизи.

– Как это – оставаться? – удивилась Лидия. – Зачем? В такую позднотищу? А если газ взорвется?

– Там ничего не может взорваться, потому что из колодца ГТС газом вообще не может пахнуть, – успокоила диспетчер.

– Ладно, если вы так в этом уверены, зачем мне караулить? – ехидно спросила Лидия. – И зачем ждать аварийку?

– Затем, что вызов поступил, – ответила диспетчер угрюмо, и Лидия вспомнила, что в целях улучшения качества обслуживания... и все такое.

– Имейте в виду, – предупредила очень строго диспетчер, – если вы не дожидетесь нашей машины, это повлечет для вас административную, а возможно, и уголовную ответственность.

– А если произойдет взрыв, пока я тут ждать буду? – снова затревожилась Лидия.

– Не произойдет, – вынесла приговор диспетчер и отключилась.

Лидия с тяжким вздохом поплелась обратно, на «место обнаружения запаха», отчаянно желая, с одной стороны, чтобы там больше ничем не пахло, потому что тогда можно будет идти спать, перезвонив аварийщикам и извинившись, а с другой – столь же отчаянно желая, чтобы запах имел место быть, чтобы ей ничего не показалось.

Она терпеть не могла, когда ей что-нибудь *казалось*. Как правило, казалась полная ерунда, а случаи *не ерунды* были столь редки, что относиться к ним всерьез совершенно не следовало.

Из колодца несло газом по-прежнему, но Лидия себе уже не верила. Очень захотелось, чтобы сейчас тут оказался какой-нибудь случайный прохожий, который мог бы стать, так сказать, независимым экспертом.

Она огляделась, но вокруг царило полное безлюдье.

Лидия зябко поежилась. На ней легкое платье, короткий плащик, ноги в этих тонких коготках практически голые. И она так устала от каблуков! Почему эта история не могла случиться в любой другой вечер, когда Лидия была бы одета в куртку, джинсы или нормальную длинную юбку?

Где бы встать, чтобы не так дуло, газом не несло – и чтобы аварийщики ее сразу заметили? А то приедут, никого не увидят – и уберутся восвояси, а Лидия так и будет тут торчать до морковкина заговенья.

Зазвонил телефон. Папа Саша спрашивал, как дела и дома ли она.

Лидия, понятное дело, уверила, что дома. Зачем его волновать? Лидия считала, что с отчимом ей (а маме с мужем) сказочно повезло, а потому берегла папу Сашу изо всех сил – особенно после инфаркта, который случился у него в прошлом году и после которого он наконец снизошел к мольбам жены и ушел с работы. Конечно, ужасно скучал и то писал мемуары, то ходил на рыбалку, то совершал неспешные пробежки по утрам, то делал ремонт в квартире, то перестраивал дачу, – но, во всяком случае, не надрывал так сердце и нервы, как бывало раньше.

Соврав во спасение, Лидия смирилась с судьбой, отошла от вонючего колодца на некоторое расстояние, повернулась спиной к ветру, закинула голову и от нечего делать уставилась в небеса.

Из писем В. Маршевой в редакцию журнала «Непознанное»

Волчья усадьба

Моя баба Катя, деревенская знахарка, иногда рассказывала случаи из старых времен: так она называла пору своего детства и молодости.

Вот одна история.

Жила в их деревне одна умная девушка – бухгалтершей в правлении работала и очень любила книжки читать. Все время в библиотеку ходила. Звали ее Тоня. Книжки книжками, а лес она плохо знала. Пошла однажды по грибы да заблудилась. Ходила-ходила по лесам, измучилась вся. У нее ни воды, ни спичек. Уже стала сырые грибы жевать да иногда чахлую ягоду находила. А пила из лужиц.

Обессилела. Прилегла разок да и не может встать. Заснула. И чудится ей какая-то песня. Привстала – в самом деле напев протяжный слышен! Поднялась Тоня да и пошла по лесу в кромешной тьме. Вдруг видит впереди – огонечек мерцает. Ближе, ближе... и вот набрела она на большую усадьбу. В окне слабый свет. И вроде бы песня оттуда и доносится.

Тут вошла луна, и разглядела Тоня, что это старинный барский дом. До революции в наших местах много таких усадеб было, а потом, когда всех бар побили, дома их стояли и догнивали. Которые к проезжей дороге поближе, те разграблены были: случалось, даже ставни и рамы резные из них вынимали, а потом и стены растащили по кусочкам. А которые в глубине леса, те так и гнили бесхозно. Вот на такую усадьбу Тоня и набрела.

Большой сад кругом. С яблонь падают яблоки переспелые. Тоня голодная – кинулась она яблочки подбирать. А они прямо в руках у нее распадаются, в прах-тлен обращаются... Страшно ей, а все же идет к единственному освещенному окошку. И чем ближе, тем громче песня слышна, да только слов не разобрать. Вроде как один мотив поют – без слов.

Добралась Тоня до окошка, глянула в него – и остолбенела. Видит большую столовую, всю по-старинному разубранную. Углы паутиной затянуты, грязь кругом, а все же видно, что под этими темными портретами, за этим дубовым столом богатые люди некогда сиживали. А теперь за ним волки сидят! На стульях, как люди! Фарфоровые тарелки перед ними стоят, серебряные вилки и ножи лежат. На тарелках кости обглоданные. А волки все грустно-грустно воют – тихонько, заунывно, – и глаза у всех закрыты.

Вот что за песня Тоне почудилась! Это она волчий вой за песню приняла!

Испугалась, хотела уйти потихоньку, а оторваться не может. Глядит да глядит, слушает да слушает...

Воют, воют волки с закрытыми глазами, только одна волчица сидит и глядит в какую-то тетрадку. Как будто читает! Читает, а по морде слезы текут...

Вдруг волчица повела глазами – и Тоню через окошко увидела. Да как зарычит! Тут все волки разом глаза открыли и на Тоню уставились.

Она бежать! Сначала во всю прыть кинулась, да какие у нее силы? Ноги подгибаются. Плетется уже. Оглянется – а неподалеку волчьи глаза сверкают. Волки за ней след в след идут, но не нападают, не набрасываются, а смотрят, смотрят...

Наконец упала Тоня и стала с жизнью прощаться. По всему, грядет смерть неминуемая!

Волки совсем близко подошли. Глядят на Тоню, зубами за одежду трогают, в лицо дышат. Она со страху-то и обмерла. А потом очнулась... на своей койке, в своей избе. Как туда попала, не знает, не помнит ничего. Посмотрела, а под подушкой та самая тетрадка спрятана, которую волчица читала. Кто ее туда положил?!

Открыла она тетрадку – а там ни слова нет, одни чистые листочки.

А ночью снится ей, будто приходит к ней волчица и воет: «Верни мне тетрадку мою, не то худо будет!»

Ну, думает Тоня, дело нечисто, надо в милицию пойти.

Собралась, да так и не пошла – на другой день нашли бедную бухгалтершу с перегрызенным горлом.

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Ну и про что это? В чем изюминка? Весьма беспомощно!

В корзину!

Из одного старого дневника

Сегодня я чувствую себя лучше. Гораздо лучше! Настолько, что даже нашла в себе силы вернуться к этому дневнику – моему единственному другу после смерти родителей. Не могу передать, как я была рада, когда мой спаситель, мой добрый хозяин сообщил мне, что на месте постигшего меня ужаса валялся мой баул. Баул принесли, и я нашла в нем этот дневник...

Конечно, мои пожитки показались грабителям слишком жалкими, чтобы на них польститься, – по сравнению с тем, что они отняли у господина Великанова. И зачем бы им понадобилась тетрадка в простеньком кожаном переплете, лежавшая среди каких-то обносков, какой им интерес в чтении моих наивных бесед с собственной персоной, слезливых воспоминаний о прошлой, счастливой жизни с маменькой и папенькой, не менее слезливых сетований на нынешнее мое бытие – и чуть более радужных упований на будущее? Вряд ли эти омерзительные твари, убившие господина Великанова, взялись бы читать описание дороги из Санкт-Петербурга в Нижний Новгород, а также мои благодарственные молитвы Господу Богу, так резко изменившему мою несчастную судьбу.

В самом деле, могла ли бедная девица, получившая всего лишь домашнее (пусть и недурное!) образование, ни дня не работавшая, а значит, не имеющая никаких рекомендаций, рассчитывать на такую удачу! Как же благодарила я своего покойного батюшку, который настоял на том, чтобы я выучила английский язык! В обществе нашем считалось непременно знать по-французски и по-немецки совершенно, остальные языки в счет не шли. Но отец, который некоторое время служил лакеем в английском посольстве в Санкт-Петербурге, полюбил этот язык, сам на диво быстро его выучил и занимался моим обучением. Он вынужден был оставить службу из-за чахотки, которая вскоре свела его в могилу. Лежа в постели, он находил необычайное утешение в том, что кто-то может говорить с ним на языке Шекспира. Отец страстно любил сочинения Шекспира, и не случайно его предсмертными словами были последние слова умирающего Гамлета: «The rest is silence» – «Дальше тишина»...

Матушка моя ненадолго пережила обожаемого супруга. Перед тем как испустить последний вздох, она взяла с меня клятву во что бы то ни стало покинуть Петербург и этот «склеп», как она называла наши мрачные, убогие, сырые комнаты с окнами вровень с мостовой, – поки-

нуть все это и уехать куда-нибудь в деревню, где меня не поймает «ведьма-чахотка», как она называла эту ужасную болезнь.

Уехать в деревню... В какую, о боже мой?! Сколь легко было мне дать клятву бедной умирающей – и столь непросто оказалось исполнить ее! Я понимала, что единственное для меня средство покинуть этот город – устроиться гувернанткой в каком-нибудь добросердечном помещицком семействе. Я искала такое место, я исправно ходила в агентства по найму, без устали читала все объявления, какие только печатались, сама давала их в «Санкт-Петербургские ведомости», тратя на это остатки моего скудного наследства... Но все было напрасно, и я уже приготовилась вскоре последовать за моими родителями, как вдруг однажды в моем жалком обиталище появился Корней Петрович Великанов.

Редко мне приходилось встречать людей, которые меньше оправдывали бы свою фамилию, чем этот человек! Он оказался чрезвычайно мал ростом и столь щеделушен, что, чудилось, мог быть унесенным легким порывом ветерка.

Увидев меня и узнав мою фамилию, господин Великанов остолбенел. Оказывается, в прежние времена он знал моего отца, был другом его детства и даже оказался обязан ему жизнью! Еще мальчишками шли они как-то ранней весной через Неву, и один из них провалился в полынью. Второй лег плашмя на лед и держал приятеля за руки, чтобы тот не канул на дно, при этом крича во весь голос и зовя на помощь. Набежали добрые люди, вытащили утопавшего, увели мальчишек в безопасное место, обогрели... Спасителем был мой отец, а утопавшим – его приятель, которого тогда звали просто Корнейка. Потом жизнь, как это часто бывает, развела друзей, и господин Великанов ничего не знал о судьбе моего отца. Он был удручен известием о его смерти и радовался, что имеет возможность помочь дочери своего друга и спасителя.

Господин Великанов был страховым агентом.

Я совершенно не понимала, что сие означает, однако Корней Петрович очень доходчиво объяснил мне суть страхования – во время нашего совместно с ним путешествия у нас было очень много времени на разговоры.

Предположим, человек опасается за судьбу некоей своей собственности или самой жизни. Он может заключить соглашение со страхователями, которые обязуются возместить ему стоимость той собственности – или передать определенную сумму его наследникам в случае его безвременной кончины. Правда, сей человек должен регулярно платить взносы, как правило, весьма изрядные. Все эти соглашения со страховыми обществами заключают страховые агенты.

А теперь о том, почему мы пустились в путь.

Разумеется, господин Великанов явился ко мне не для того, чтобы уговорить застраховать мои убогие пожитки или не менее убогое существование. Он пришел, чтобы сообщить новость, для меня более чем приятную!

Один из его клиентов – нижегородский помещик Чужанин, владелец имения Заярское, – искал английскую учительницу для своего племянника. Он попросил помочь в этом господина Великанова, с которым состоял в постоянной переписке по страховым делам. Однако выполнить сию просьбу оказалось тяжеленько! Ни одна из англичанок, которых немало подвизалось в Санкт-Петербурге, совершенно не желала ехать в такой медвежий угол, как Заярское, находившееся в шестидесяти верстах от Нижнего Новгорода.

Русские гувернантки с хорошими рекомендациями тоже искали более теплые места, да и весьма немногие из них могли бы обучать ребенка английскому языку достаточно хорошо. И только я, сирота, без семьи, без покровителей, без друзей, без денег, мечтающая о совершенной перемене жизни и отъезде из столицы, приняла это предложение с восторгом.

Получив мое согласие, господин Великанов очень обрадовался и ссудил меня некоторой суммой, чтобы я могла взять место в дилижансе. Между Петербургом и Москвой дилижансы

уже лет двадцать как ходили, можно было доехать даже до Риги и до Варшавы, однако между столицей и Нижним Новгородом они начали ежедневно курсировать не столь давно. От Нижнего до Заярского мне предстояло добираться с каким-нибудь наемным возчиком.

Первоначальная радость моя очень быстро сменилась откровенным испугом: я ведь не то что никогда не путешествовала одна – я вообще никогда и никуда из Петербурга не уезжала! Наверное, этот испуг отразился на моем лице, потому что господин Великанов поглядел на меня сочувственно и сказал:

– Жаль, что вы, милая Марья Павловна, не можете выехать уже завтра. Ведь завтра я и сам отправляюсь в Заярское. Вам было бы куда безопасней с попутчиком! А в Нижнем нас будет ждать карета с кучером, которую пришлет Чужанин. Вам и нанимать никого не придется.

– Господи! – воскликнула я. – Вот счастье-то! Уверяю вас, что на сборы мне нужно полчаса, ну, час... Уложить баул да увязать те несколько английских книжек, которые понадобятся мне для обучения моего будущего питомца. Но сыщется ли место в том дилижансе, которым отправляетесь вы?

Господин Великанов откровенно обрадовался, что будет путешествовать не один, и пообещал, что место для меня непременно раздобудет. Как ему это удалось, не ведаю, однако на следующий день ранним утром, ни свет ни заря, мы уже сидели с ним бок о бок в дилижансе.

* * *

Легкие облака проносились в вышине – мутно-белые на фоне очень темного, безлунного неба, кое-где пронзенного звездами, словно сверкающими шляпками неких сказочных гвоздей, закрепивших над землей необъятный, непроглядный свод.

Лидия уже сильно озябла, но все смотрела и смотрела в небо, удивляясь красоте этой сумрачной осенней ночи, наслаждаясь ею – и в то же время испытывая то тревожное, почти гнетущее чувство, которое порой овладевает нами, когда мы позволяем себе засмотреться в вечность и ощутить себя песчинками мироздания.

Голова у Лидии уже немножко кружилась, и чудилось, будто весь мир, сомкнувшийся в ночи вокруг нее, вкрадчиво нашептывает ей тихими голосами, что тревожиться не о чем, что она – часть этой простой, самой обыкновенной и в то же время неповторимой ночи, она своя среди звезд, и ветра, и бледных облаков, а потому...

– Эй, долго ты тут торчать будешь? Башка отвалится! – раздался насмешливый окрик, и Лидия опустила голову так резко, что ее качнуло в сторону.

Преодолев мгновенное помутнение в глазах, она увидела рядом трех парней. Один был настолько пьян, что едва держался на ногах. Двое других откровенно веселились. Их хохочущие рты зияли темными провалами на бледных пятнах лиц.

Лидия догадалась, что они какое-то время стояли рядом, наблюдая за ней, давясь смехом и перешептываясь. Пожалуй, это именно их шепот слышала она, а вовсе не вкрадчивые голоса мироздания.

Вот именно. Больно она нужна этому мирозданию!

Стало так стыдно, что даже в жар бросило. Лидия потянула с шеи шарф и повернулась, чтобы уйти, плюнув на свое знаменитое чувство долга (ну сколько ее можно ждать, эту аварийку?!), но один из парней схватил ее за руку:

– Куда?! Мы, конечно, опоздали, но ты простишь? И ничего, что нас трое? Макс нас за компанию позвал.

– Что? – удивилась Лидия.

– Это ты Максу звонила? – спросил парень, кивнув на пьяного приятеля. – Ну, насчет свиданки – ты?

Лидия покачала головой.

Парень вынул у пьяного из кармана телефон:

– Ты звонила? Вот видишь – номер не определился. Твой?

– Не мой, я никому не звонила, – сердито ответила Лидия.

– Млин, – сказал парень. – А где же она? Вот девки пошли, сами зовут, а полчаса подождать не могут. Слышишь, Колян, красotka смылась!

Приятель по имени Колян пожал плечами – похоже, не слишком огорченный. Макс, такое ощущение, вообще все было до лампочки. Он был слишком занят тем, чтобы не упасть.

– Ну ладно, работаем по запасному варианту, – бодро сообщил первый парень, хватая Лидию за руку. – Пошли с нами. Пивка попьем, туда-сюда...

– Я пиво не пью, спасибо, – холодно ответила Лидия, пытаясь освободить руку, но парень не отпускаял.

– Ладно, – покладисто кивнул он, – тогда водочки дернем.

– Отпустите меня, – сердито сказала Лидия. – Я спешу!

– Она спешит! – хихикнул Колян. – Если бы не мы, ты б тут еще час качалась с задранной башкой!

– Вам-то какое дело, – буркнула Лидия. – Идите своей дорогой!

– А мы не хотим своей, – сообщил первый парень. – Мы хотим твоей! С тобой. Сначала с тобой пойду я, потом он. Макс не будет, он так накачался, что уже ничего не хочет. А мы с Коляном хотим. Вот так и будем ходить туда-сюда, туда-сюда!

И указательным пальцем одной руки он весьма недвусмысленно потыкал в колечко из сомкнутых большого и указательного пальцев другой.

Лидия растерянно моргнула, глядя, как он это делает.

Не то чтобы она была настолько невинна или тупа, чтобы не понять намека. Просто глазам не могла поверить. Ей еще никогда не делали известного предложения столь омерзительным способом.

Парень, взглядевшись в изумленное лицо Лидии, так и закатился смехом, с трудом выговарив:

– Не понимаешь? Ты что, еще девочка?

– Да ты, Вадька, ослеп?! – недовольно воскликнул его напарник. – Да она не девочка, а бабушка! Ты на нее только посмотри! Ей сороковник, никак не меньше! Мини нацепила, чтобы дураков ловить. Да ну ее на всю азбуку, пошли поищем нормальную девчонку.

Вадька задумчиво вглядывался в лицо Лидии, и на какой-то миг она ощутила себя и в самом деле никуда не годной старухой и с трудом подавила желание воскликнуть обиженно: «Мне не сорок, а всего тридцать шесть!»

Смешнее всего, что и парни эти могли называться парнями только условно, особенно пьяный Макс. Он был ровесником Лидии, никак не младше!

Вообще такое ощущение, что она его раньше где-то видела... Что-то в нем знакомое...

Но, разумеется, возобновлять знакомство с каждым пьяницей она не собиралась!

– Вот именно, – самым хриплым на свете голосом проворчала Лидия. – Я старуха. Из меня песок сыплется. Мотайте отсюда, внуки!

Макс внезапно послушался. Повернулся и побрел к остановке, растопырив руки и покачиваясь. Так иногда мальчишки изображают враз летчиков и самолеты. В народе этот способ передвижения называется удивительно точно – идти на автопилоте.

– Макс, ты куда? Телефон хоть забери! – крикнул Вадька.

Но около Макса уже остановилась запоздалая маршрутка. Видимо, водитель сердобольный попался. Или хорошо знал, что такое автопилот и чем он чреват...

Макс кое-как ввалился в салон, и маршрутка умчалась в ночь.

– Во дурак! – удивился Вадька. – Даже про телефон забыл. Ладно, оставим на память. И у тебя, бабушка, сувенирчик прихвачу, ты не против?

И он ловко сорвал сумку с плеча Лидии.

– Ты что?! – вскрикнула Лидия испуганно, однако Вадька проворно схватил ее за шарф и подтащил к себе.

– Пусти! – прохрипела Лидия, пытаясь освободиться.

– Лучше не дергайся так резвенько, а то я могу забыть о твоём преклонном возрасте, – хохотнул Вадька и оттолкнул ее.

Лидия неуклюже попятилась и не упала только потому, что налетела спиной на дерево.

От злости у нее застучало в висках, а лицо мерзкого налетчика заволокло блекло-серой, словно ночные облака, пеленой.

– Отдай мою сумку! – воскликнула Лидия. – Отдай, а то сама заберу!

В тот же миг мгла перед глазами рассеялась, и Лидия испугалась своей глупой угрозы. Сейчас этот Вадька ей...

Она невольно загородилась рукой, однако Вадька в это время был занят: повесив сумку Лидии себе на плечо, он расстегнул молнию, достал кошелек, сунул в карман и принялся разглядывать прочее содержимое.

«Сейчас найдет банковскую карту, потом мобильник...» – обреченно подумала Лидия.

– Вадька! – воскликнул вдруг Колян. – Да ты только посмотри!

Он таранился куда-то в сторону, и вид у него при этом был совершенно ошалелый. Точно такой же вид немедленно сделался и у Вадьки.

Лидия осторожно, медленно перевела туда взгляд – да так и ахнула.

Вообще-то было отчего...

Из-за угла дома медленно, неторопливо вышла девушка в длинном распахнутом плаще. Ветер развеивал его полы, и видно было, что, кроме этого плаща, на девушке ничего нет – ну, еще туфли, высокая платформа которых громко стучала по асфальту. Похоже, туфли эти были не слишком удобными, потому что девица шла, несколько ковыляя и косолапя, что, впрочем, ничуть не ослабляло общего впечатления.

Проходя под фонарем, она слегка повернула голову и пристально взглянула на парней. Потом приостановилась, как бы давая хорошенько себя рассмотреть.

Лицо ее казалось невероятно красивым, хоть и слишком бледным. Глаза – очень темные, без блеска, – были еще темнее из-за теней, которые залегли под ними, а губы, чуть приоткрывшиеся в улыбке, – красны, как кровь. Такими же красными были необычайно длинные ногти. Темная волна кудрей реяла за спиной, и манящая тьма клубилась в межножье.

У Лидии спина словно бы оледенела. Что-то ужасное промелькнуло перед глазами, заключилось, издало вкрадчивый рык... Но тотчас мгла рассеялась. И она снова увидела полуголую девицу.

– Вот это стиль... – простонал Колян, а Вадька страстно спросил:

– Это ты звонила, сладкая? Скажи «да», я тебя умоляю!

Девушка не ответила, только узкой рукой поманила за собой парней и, даже не обратив внимания, заметили они этот знак или нет, пошла своей дорогой.

Еще бы они не заметили! Оба потянулись вслед за ней, как прикованные!

Вадька даже не почувствовал, как сумка Лидии соскользнула с его плеча и упала на тротуар. Впрочем, кошелек-то он все равно положил в карман!

Они дошли за девушкой до угла, повернули и скрылись из виду.

Лидия неподвижными глазами смотрела им вслед, зажав себе рот, из которого так и рвался крик: «Не ходите туда!»

Глупость какая. Что это на нее вдруг нашло, что привиделось?! Да пусть идут! Во всяком случае, от нее отстанут. И она больше никакой аварийки ждать не будет, она помчится домой со всех ног, плюнув на чувство долга!

Нет, надо немедленно позвонить в полицию, вот что надо сделать. Набрать 020 – да, она запомнила, что после главных цифр нужно набрать 0! – и сообщить, что у нее отняли кошелек. Как они выглядели, эти парни?

Один высокий, другой пониже, один Вадька, другой Коля, а больше она ничего не может вспомнить с перепугу! Проститутку, за которой они потащились, эту колоритную, мягко говоря, особу, Лидия запросто опишет, а парней даже не разглядела толком.

Ничего-ничего, их найдут, если найдут проститутку! В полиции наверняка держат на учете подобных красоток. Сейчас парни, наверное, уже у нее. Она небось живет тут в двух шагах, иначе вряд ли шлялась бы в таком виде. Вадьку с Колей можно взять, так сказать, тепленькими. И, пожалуй, голенькими. Скорей звонить в полицию!

Лидия метнулась к валявшейся на газоне сумке, подхватила ее, вдруг вспомнив, как пригрозила Вадьке, что сама сумку заберет. Так и вышло.

Смешно...

Нет, почему-то было не смешно, а жутко!

Она расстегнула боковой карманчик, в котором лежал телефон, но вдруг позади раздался крик – такой громкий, отчаянный, полный такой боли и ужаса, что Лидия согнулась в три погибели и замерла.

Какое-то время она так и стояла. Вокруг царил тишина. Больше криков не было слышно. Но она *видела* лежащие на газоне за домом окровавленные тела и волка, который стоял над ними, низко опустив голову, словно всматривался в лица жертв.

При этом Лидия знала, что волк был железный! Кровь стекала с его металлических зубов...

Именно этот железный волк внезапно мелькнул перед глазами, когда Лидия пыталась крикнуть грабителям: «Не ходите туда!»

Ее так трясло, что она не чувствовала внезапно окоченевших рук и ног.

– Я ничего не могу видеть! – сказала она себе, с трудом шевеля губами. – Каким образом? Девушка и парни ушли вон туда, за дом. Я же не могу видеть через дом! И я туда даже не оглянулась, я спиной к нему смотрю! Это мне чудится с перепугу! Парни просто ломанулись за проституткой. Откуда тут взяться какому-то железному волку?! И крик мне почудился! Да и мало ли кто мог кричать?!

Но сколько Лидия ни убеждала себя, успокоиться она не могла, и ноги дрожали так, что она боялась упасть.

Наконец она кое-как разогнулась, перевела дух... и вдруг почувствовала, что кто-то стоит за ее спиной.

Из писем В. Маршевой в редакцию журнала «Непознанное»

Красный жар

В старые времена чего только не бывало! Так любила говорить моя бабушка Катерина, баба Катя, знахарка деревенская, совсем необразованная, лечившая людей теми же быльями, то есть травами, какими пользовали их ее мать, бабка, прабабка, – и добивавшаяся удивительных успехов. Правда, она часто говорила, что не в былье сила, а в вере. Я теперь понимаю, что тут играл свою необыкновенную роль эффект плацебо, однако и в самом деле ей случалось вылечивать иногда совершенно невероятные случаи, от которых отказывались все врачи.

Один раз, вспоминала баба Катя, привезли ей из соседней деревни мальчика. А у него на лице красное пятно – не то ожог, не то родимое пятно. Сверху короста, а под ней сукровица так и ходит.

– Обжегся ребенок, что ли? – спрашивает баба Катя.

– Нет, – отвечает, плача, мать. – Просто на пожар смотрел. Митрофановы в нашей деревне погорели, на отшибе жили, никого больше огонь не тронул, а у них и дом, и подворье – все погорело. Мы далеко от пламени стояли, даже жару не чувствовали, сыночек так смеялся... А среди ночи начал кричать, мол, его подожгли, горит он. Утром – пятно... Тронуть не дает, плачет.

– Плакать нельзя, – говорит баба Катя. – От слез еще пище жжсет да болит. Надо его успокоить.

Дала она мальчику понюхать валерианы, он притих, а потом она его молоком напоила, в которое чуть-чуть макового отвара подлила. Мальчик задремал. И спит, и не спит, но кричать и трогать свое лицо перестал.

Я уж не помню, как того мальчика звали... ну, может, Ваня, а может, Вася. Или Коля. Да не важно! Пусть будет Вася, что ли.

Вот он лежит в полузабытьи, а баба Катя смотрит на него и тихонько шепчет:

– Вась, а Вась, слышишь ли меня?

– Слышу... – отвечает он этак тихохонько, словно сквозь сон.

– Ты пожар смотрел?

– Смотрел.

– Смеялся?

– Смеялся.

– Весело тебе было?

– Весело.

– Радовался ты?

– Ох, радовался! – счастливым, хоть и слабым голосом сказал мальчик.

Баба Катя помолчала, а потом и спрашивает:

– Ты Митрофановых пожег?

Вася помолчал, а потом выдохнул:

– Я...

Мать руками всплеснула, рот открыла – на знахарку закричать, но баба Катя только глянула – и женищина замолкла, будто подавилась.

– А зачем?

– Завидно потому что... они богатые, а мы бедные, пускай теперь и они бедными станут!

Мать так и села, где стояла. А баба Катя снова спрашивает:

– Тебя кто-нибудь видел?

– Нет.

– А ты кому-нибудь говорил, что хочешь Митрофановых поджечь?

– Посулил однажды Петьке Митрофанову, что скоро они все по миру пойдут...

Баба Катя отвернулась от мальчика и говорит его матери:

– Сына твоего прокляли. Митрофановы знают, что он поджигатель, а доказать не могут. Вот и навели на него красный жар. Теперь жди – если не остановить, по всему телу пятна расплзутся, сгниет твой сын заживо.

Мать зарыдала:

– Как же остановить?! Как проклятье снять?!

– Пойди у Митрофанихи горстку муки Христа ради попроси. Только не дай бог тебе проговориться, что хочешь сына от красного жара избавить! Тогда ничего сделать не смогу. А даст тебе Митрофаниха муки – неси ее ко мне. Глядишь, и поможем твоему сыну.

Долго думала женищина как быть. Понимала, что Митрофаниха ее и близко не подпустит, что ненавидит ее также, как сына. Думала-думала – и надумала. Взяла какие-то ста-

рые тряпки, в грязи вывалила, напаялила на себя, лицо вымазала, клюку при дороге нашла да и побрела по деревне, причитая:

– Подайте Христа ради!

В один дом зашла, в другой – так, нарочно, чтобы не напрямиком идти к Митрофановым. Нигде ей ничего не дали.

– Иди, – говорят, – прочь, самим есть нечего.

Дошла она до погорельцев. Митрофановы потихоньку на пепелище обгорелые бревна разбирают, тут же на костре котелок кипит, а хозяйка держит туесок с мукой: пустое варево забелить.

Упала женищина на колени и ну причитать:

– Христа ради, подайте горсточку мучицы!

Митрофаниха слезами залилась:

– Да что ты, убогая, не видишь, как нас злые люди ни за что наказали?! Только и остался берестяной туесок с тухлой да плесневелой мучицей, какую еще мой дед в амбаре позабыл. Ее и есть-то небось нельзя, да нельзя ж и не есть. Не знаю, как выживем!

А бедная мать валяется во прахе и тоже рыдает, заливается:

– Подайте ради мучений Христовых и слез Пресвятой Богородицы!

И наконец сжалилась над ней Митрофаниха, смилостивилась. Взяла из туеса щедрую горсть муки, отсыпала матери... да так и ахнула:

– Святые угодники! Что это? Посмотрите?

Подбежал ее муж – а на дне туеска мешочки с золотыми самородками лежат. Тут вспомнили, что дед Митрофановых на каторге побывал в Забайкалье, на приисках, вернулся да и помер в одночасье, а золотишко небось с собой принес – да и не успел про него никому сказать, а может, и не хотел говорить. С этого золотишка Митрофановы снова поднялись и с годами зажили лучше прежнего. Но это после. А тогда взяла мать муку и бегом к бабе Кате.

Та замесила на этой муке тесто и намазала лицо мальчика. Все намазала, только немножко на подбородок не хватило. И тут же тесто все высохло, коростой пошло.

– Хорошо, – говорит баба Катя, – это красный жар выходит.

Сняла тесто, смотрит мать, а у сына лицо сделалось белым и здоровым, как прежде. Только на подбородке багровое пятно осталось – след красного жара.

Так он и по сию пору с этим пятном ходит! У него и борода на этом пятне не растет!

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ох, ну что за чушь?! В корзину!

Из одного старого дневника

Надо сказать, что меня удивила ужасная теснота этой «заботливой кареты»¹. Снаружи-то дилижанс казался куда более просторным! Внутри же четверо пассажиров помещались на двух относительно удобных сиденьях лицом к лицу, а вот остальные четверо должны были сидеть на откидных сиденьях, прикрепленных к дверцам. Эти «счастливики» чувствовали себя ужасно неуверенно, а потому чуть ли не полдороги рассказывали: мол, случилось, что из-за ненадежности замков дверцы открывались и пассажиры выпадали на ходу. Сначала это всех ужасно пугало, но на исходе пяти суток, которые мы провели в пути, мы привыкли ко всему.

Несмотря ни на что, это нелегкое и утомительное путешествие доставило мне огромное удовольствие! Корней Петрович был бесконечно добр и заботлив. Все принимали его за моего

¹ Таково полное название дилижанса – *carrosse de diligence* (франц.).

дядюшку, и мы никого не разубеждали, нас это очень веселило, особенно господина Великанова, который очень просил никому не рассказывать о его службе. Я удивилась, но послушалась.

Спустя некоторое время, когда уляжется боль от потери этого человека, который показал себя верным, заботливым другом и спасителем жизни моей, я непременно перечитаю предыдущие страницы моего дневника, в которых во время стоянок делала многочисленные заметки о путешествии, и таким образом почти память Корнея Петровича. Но сейчас мне хочется, пока еще свежи в памяти последние события, описать их, какими бы страшными они ни были.

Когда дилижанс прибыл в Нижний, я с наслаждением сходила в баню и переоделась во все чистое. Нарядилась в самое свое лучшее платье – очень скромненькое, в темную клеточку, – но белый воротничок, связанный покойной матушкой, придавал ему истинную элегантность. Шестьдесят верст – не тысяча с лишком, и я была убеждена, что, если мы выедем поутру, то к вечеру я уже предстану перед господином Чужаниным. Конечно, мне хотелось при этом выглядеть как можно лучше!

Этой встречи я ждала с нетерпением – и в то же время с трепетом, тем большим, что только теперь я осознала: мы пустились в путь, не получив положительного ответа от хозяина Заярского! Господин Великанов так спешил услужить своему клиенту, что самовольно повез к нему гувернантку!

А что, если надобность во мне уже отпала? Что, если господин Чужанин уже нашел кого-то?

Корней Петрович тоже сообразил, в какое тягостное положение поставил и меня, и себя, и места себе не находил от беспокойства.

За нами прибыл из Заярского экипаж. Кучер вручил Корнею Петровичу письмо от своего хозяина, в котором тот приветствовал гостя и уведомлял, что с нетерпением ждет его приезда. Я подумала, что господин Чужанин счел нужным написать сие письмо, чтобы зверообразная внешность кучера не испугала прибывшего. В самом деле, несмотря на то что был он невысок ростом и очень худощав, этот неприветливый, неряшливый, косматый, черноволосый и чернобородый человек мог перепугать кого угодно! Черные рукавицы до локтей придавали ему вид заплочных дел мастера. Правда, насколько я знала, такие мастера должны быть здоровыми мужиками, а этот напоминал сложением подростка.

Голос у него был редкостно противным, хриплым, словно надсаженным то ли криком, то ли курением, то ли горло у него было больное. Вдобавок кучер оказался неотесан и строптив. Сначала он наотрез отказался везти еще и меня. Буркнул невнятно, мол, ничего ни про какую барышню хозяин не упоминал, приказано только господина Великанова доставить!

Я даже расплакалась от этого унижения и страха перед своим будущим.

Что же делать? Остаться в Нижнем в гостинице или комнату снять, ожидая, пока Корней Петрович съездит в Заярское и уведомит господина Чужанина о моем прибытии? Но у меня нет денег на прожитие, не могу же я постоянно одалживаться у моего спутника! А если господин Чужанин вообще откажется принять меня? Куда мне податься? Как вернусь я в Петербург? Самое ужасное, что мне вообще некуда возвращаться... все мои надежды и упования уже накрепко связаны с Заярским!

Все же лучше ехать с Корнеем Петровичем, решила я наконец. Быть может, господин Чужанин обрадуется моему прибытию, а если даже и нет, всегда легче переубедить человека при личной встрече. Я постараюсь с первой минуты произвести на него самое благоприятное впечатление!

Корней Петрович со мной, конечно, согласился. Теперь оставалось уломать кучера, что я и продолжала делать со всем пылом, красноречием и даже слезами.

Наконец косматый невежа согласился допустить меня в карету, и то лишь когда Корней Петрович наотрез отказался ехать без меня.

– Не повезешь барышню – возвращайся в Заярское один, – сурово заявил он. – А мы найдем себе другого возчика. Но уж не взыщи – о твоих замашках я барину доложу!

Кучер поворчал что-то себе под нос и наконец-то неохотно отворил передо мной дверцу экипажа.

Забравшись внутрь, я обернулась. Кучер по-прежнему держал дверцу своей тощей рукой, обтянутой черной рукавицей, а господин Великанов смотрел на него со странным выражением.

Наверное, его, как и меня, изумил открывшийся нам внутренний вид кареты.

В ней было грязно, неуютно, замусорено, кожа на сиденьях повитерлась и полопалась, да еще была покрыта какими-то темными пятнами. Ужасно несло гнилью. А рессоры, вернее, отсутствие оных! Дилижанс и то шел мягче! Да и дорога оказалась из рук вон плоха, поэтому меня укачало на первой же полуверсте; господин Великанов чувствовал себя не лучше.

Отчего-то я воображала себе своего нанимателя человеком вполне состоятельным, однако карета сия меня в этом разубедила. Как-то странно казалось мне, что можно искать английскую гувернантку – и в то же время держать экипаж, место которому на свалке.

Или хозяин Заярского, зная качество дорог к своему имению, жалел убить на ухабах хорошую карету?

– Я опасюсь, что у вас может сложиться превратное впечатление о Иване Сергеевиче Чужанине, – проговорил Корней Петрович. – Вы, чего доброго, вообразите его себе таким провинциальным ведмедом, глядя на эту карету и кучера! Сам диву даюсь, отчего он прислал за нами столь дурной экипаж. Словно и не он этим распорядился! Уверю вас, это очень умный, тонкий и начитанный человек. К тому же он весьма богат.

Я только и смогла пролепетать:

– О, конечно, конечно! – а потом умолкла, опасаясь, как бы обильный завтрак, которому я отдала должное перед отправлением, не извергся из меня на очередном ухабе.

Кучер иногда приостанавливал упряжку, оборачивался и заглядывал сквозь окошечко в передней стенке кареты внутрь, в наше тесное и неудобное обиталище, освещенное мутным свечным фонарем, который качался под потолком. Наверное, проверял, живы ли мы еще. Мы были истинно чуть живы и мечтали только об одном: добраться до Заярского поскорей.

Однако путь затягивался. За окнами уже смеркалось.

Вдруг Корней Петрович приподнялся с сиденья и принялся выглядывать то в одно окно, то в другое. Мне было плохо видно его лицо, однако, похоже, он сделался чем-то встревожен.

– Вы меня в дороге не раз спрашивали, милая Марья Павловна, что за дело у меня к господину Чужанину, – наконец заговорил Корней Петрович, и я едва расслышала его за скрипом колес – само собой, несмазанных! – и грохотом всех частей этого обветшалого рыдвана.

– Верно, – ответила я, – но вы отмалчивались или переводили разговор на другое, поэтому я не стала больше донимать вас расспросами.

– Среди нас, страховых агентов, моветоном считается рассуждать о частных делах своих клиентов, – пояснил Корней Петрович, подсаживаясь ко мне поближе и говоря почти в мое ухо. – Среди фамильных драгоценностей господина Чужанина имелись сокровища, достойные украшать царский дворец. Также были у него и истинные редкости, античные геммы, за которые знатоки отдали бы немало. Сумма, на которую все это застраховано, весьма значительна. Поскольку господин Чужанин живет в глуши, а в русской глуши, как правило, водятся лихие люди, он последовал нашему совету и поместил все самые дорогие свои вещи в одну солидную банкирскую контору, где они сохранялись в подвале, в особенном железном шкафу, который называется сейфом. Эта европейская мера предосторожности еще не слишком популярна в России, поэтому сокровища господина Чужанина были единственными обителями того подвала. И вот, вообразите, банкирская контора в одну ужасную ночь была ограблена!

– Ограблена?! – повторила я, не веря ушам. – Да разве мыслимо ограбить банк?!

– К несчастью, да, – вздохнул Корней Петрович. – Сторожа пытались сопротивляться налетчикам, один из даже отрубил указательный палец грабителю. Палец этот так и валялся рядом с трупами сторожей...

Я в ужасе вскрикнула, но Корней Петрович продолжал:

– Грабители убили их и ворвались в подвал. Особо острым топором они разрубили сейф и выгребли оттуда все чужанинские драгоценности. В одну минуту он лишился всех сокровищ... А поскольку они были застрахованы от кражи, это раз, а во-вторых, он положил их в этот банк, повинувшись нашему настоятельному требованию, то мы обязаны возместить ущерб. Прошел год – полиция не отыскала ни следа сокровищ или их похитителей. И вот я везу деньги господину Чужанину.

И он похлопал по своему баулу, который всю дорогу в дилижансе пролежал, небрежно запихнутый под сиденье. Лишь на стоянках Корней Петрович его вынимал, да и то без особой осторожности.

Я так и вытаращила глаза:

– Отчего же вы отправились с такой огромной суммой без охраны?! Без военного конвоя?!

– Самый лучший способ привлечь внимание к своему имуществу – это всем сообщить о том, сколь оно ценно, – сказал Корней Петрович. – Я потому и отправился в путь один, что о цели моего путешествия и моем грузе знали только три человека: господин Чужанин, директор нашей конторы и ваш покорный слуга. Для всех прочих я всего лишь везу некие бумаги на подпись нашему пострадавшему клиенту. Теперь и вы причислены к сонму особо доверенных лиц, – добавил он. – Говорю вам об этом потому, что на душе у меня чрезвычайно неспокойно. Мы едем слишком долго, и я не узнаю дороги, а ведь я ездил здесь не единожды, к тому же у меня отличная память. Но, главное, кучер наш кажется мне страшно подозрительным.

– Отчего же? – пробормотала я дрожащим голосом.

Корней Петрович взглянул на меня пристально, и я словно прочла ответ в его глазах:

– Неужто оттого, что руки его спрятаны в рукавицы, а у одного из грабителей банка был отрублен палец?!

– Вы очень сообразительны, – невесело усмехнулся Корней Петрович. – Конечно, грех возводить напраслину на ближнего своего, однако же чует мое сердце, что дело здесь нечисто. Кучера этого худосочного я вижу впервые, экипаж на чужанинский ничуть не похож... Если бы не письмо Ивана Сергеевича, я бы нипочем не поехал. Но теперь думаю, что поступил опрометчиво. А если здесь орудует ловкая шайка, которая сначала ограбила банк, а теперь прознала о цели моего путешествия? Они убили кучера, которого посылал за нами господин Чужанин, украли его письмо ко мне, и теперь...

– И теперь везут нас в свое логово, чтобы ограбить?! – дрожа, как осиновый лист на ветру, продолжила я.

В эту самую минуту раздался гулкий удар и громкий треск, словно наземь упало дерево, лошади испуганно заржали, забились, карета кое-как остановилась, а вслед за тем послышался протяжный волчий вой...

– Господи! Что это? – воскликнула я испуганно. – Неужели нас окружила волчья стая?

– Волки с топорами не ходят, – хрипло выдохнул Корней Петрович.

* * *

– Девушка, это не вы в горгаз звонили? – послышался хриловатый мужской голос, и Лидия чуть не подпрыгнула от неожиданности.

– Да, это я... – растерянно проговорила она, обернувшись и обнаружив, что рядом стоят двое мужчин в темных робах с голубыми вставками. Ярко белели полосы. К обочине при-
ткнулся белый фургончик с надписью «Аварийная».

– Где, говорите, газом пахнет? Из какого колодца?

– Вон там, – махнула она рукой. – Колодец прямо посреди тротуара.

Аварийщики бродили туда-сюда с озадаченным видом, Лидия даже рассердилась: «Да у них что, насморк у обоих, что ли?» Подбежала к колодцу, ткнула пальцем в крышку:

– Вот! Чувствуете?

Мужчины переглянулись и хором сказали:

– Нет. Не чувствуем.

Лидия покачулась. Она вдруг поняла, что тоже ничего не чувствует. Запаха газа не было и в помине!

– Нет, как же это... – забормотала растерянно. – Не может же... быть же не может, чтобы мне показалось!

И сама себе ответила: «Может, да еще как!»

Вид у нее, наверное, был настолько жалкий, что аварийщики смилостивились и ругаться не стали.

– Леха, давай поищем, может, и правда откуда-то свечка пробилась, вон, видишь, газ-
гольдер стоит, – сказал один из них. – А девушка просто неправильно определила источник
запаха.

Услышав про газгольдер, Лидия несколько приободрилась и принялась вертеть головой, пытаясь понять, где он может находиться. Тем временем аварийщики зашагали к какому-то неуклюжему сооружению вроде избушки на курьих ножках, только сложенной из некрасивого желтого кирпича, из которого строились все новые дома в этом районе и который Лидия назы-
вала «саманным». Вдруг один из газовщиков остановился и уставился куда-то за угол. Вскрик-
нул – и кинулся вперед, крича:

– Леха! Скорей, что это тут?

Лидия сообразила: он увидел что-то именно за тем углом, куда свернули парни за про-
ституткой.

Она сорвалась с места, побежала вслед за газовщиком и чуть не налетела на его широкую
спину, так неожиданно он остановился.

– Черт... – пробормотал он сдавленно. – Надо в полицию звонить.

Второй не ответил – его рвало.

Лидия сделала шаг, другой, всмотрелась – и увидела два неподвижных, ярко освещенных
фонарем тела. Запрокинутые бледные лица с выражением непередаваемого ужаса, раскинутые
руки... Это были Вадька и Колян. Оба все были сплошь измазаны в какой-то черной жидкости.

Тошнотворный сладковатый запах донесся до Лидии. «Это кровь, они все в крови!
Они убиты, их загрыз волк», – подумала она и повалилась без чувств.

Железный волк шел на задних лапах, которые оканчивались коровьими копытами. Стуча
ими по полу и ковыляя, он шел через анфиладу полупустых темных комнат, распахивая перед
собой дверь за дверью, и Лидия могла видеть, что его верхние лапы скрыты под черными кожа-
ными рукавицами.

Распахнув очередную дверь, волк оказался в просторной зале, полной людей. Лидия
с изумлением увидела, что это торговый зал какого-то магазина. Кругом стенды с това-
рами, очереди в кассу, снуют продавцы между покупателями, мелькнула надпись на каком-то
стенде – «Бытовые приборы»...

Волк ковылял между людьми, но никто не обращал на него внимания: чудилось, его про-
сто не видят. А между тем Лидия знала, что волк выбирает себе жертву.

Вот он подошел к паре каких-то покупателей, которые весело болтали, и встал позади. Мужчина приобнял молодую женщину в сером пальто за плечо, а она со смехом стала вытаскивать из-под его руки длинные светлые волосы, которые он невзначай прижал. Высоко подняла их, на миг обнажив шею. И Лидия поняла, что сейчас волк вонзит свои железные клыки в эту шею!

Рванулась вперед – крикнуть, предупредить, – но свет померк, страшная сцена исчезла, и она услышала мужской голос:

– Кажется, вам уже лучше? Откройте глаза, все хорошо, откройте глаза!

Лидия осторожно приподняла веки и обнаружила, что лежит в какой-то тесной комнатухе. Слегка пахло бензином; похоже, она лежала в фургоне автомобиля на топчане. Под головой было что-то скользкое, вроде клеенчатой подушки. К Лидии склонялся молодой человек в голубой робе и держал ее за запястье.

– Вы кто? – с трудом проговорила она. – Где я?

– Я доктор Артем Васильев, – сказал он, и Лидия поняла, что молодой человек считал ей пульс, оттого и держал за запястье. – Вы в машине «Скорой помощи». Не волнуйтесь. Вам плохо стало, вы потеряли сознание, а теперь пришли в себя. Слава богу, хоть кому-то мы смогли помочь.

При этих словах Лидия вмиг вспомнила, почему потеряла сознание, и попыталась сесть, но голова закружилась, и доктор удержал ее:

– Осторожней, рано еще так вскакивать!

– А они? – испуганно спросила Лидия. – Те двое парней?

Он нахмурился:

– Им «Скорая» уже не нужна.

Лидия поняла, что хмурится он, злясь на свою беспомощность. Хотя что он мог сделать, если этих несчастных грабителей загрыз волк?!

И тут же она прикусила язык, чтобы не сболтнуть про волка вслух. Тогда доктор решил, что она рехнулась с перепугу. А с рехнувшимися говорят уже другим тоном и в других местах.

– Ну, если голова больше не кружится, можете сесть, а потом тихонько встать и выйти на улицу, – сказал доктор Васильев. – А хотите, мы вас до дома довезем?

– А мы сейчас где? – спросила Лидия испуганно. – Около этого же места? Или вы меня куда-нибудь увезли?

– Мы все там же.

– А, тогда я сама дойду, я живу тут недалеко, – пробормотала Лидия и спустила ноги с топчана.

– Только осторожней, голова у вас еще кружится, наверное, – предупредил доктор, помогая ей выбраться из машины.

Он был заботлив не холодно-профессионально, а как-то очень по-человечески. Рядом с ним было невероятно спокойно! На его правой руке блеснуло обручальное кольцо, и Лидия подумала: «Повезло вашей жене, доктор Васильев!»

Она кое-как утвердилась на земле, постояла, покачиваясь и опасливо поглядывая на угол дома, из-за которого слышались голоса. Рядом стояли три полицейские машины, ярко освещая своими фарами двор.

Из-за угла дома вывернулся какой-то невысокий человек в длинном черном плаще, темноволосый и остроносый. Через плечо у него висела сумка Лидии.

Он протянул руку Васильеву:

– Привет, Артем, давно не виделись. Как Лиза? Ждет? Сколько ей еще?

– Три месяца, – сказал Васильев. – Долго еще. А твоей сколько?

– У моей всего три месяца, – хохотнул остроносый. – Так что нам еще дольше ждать.

Легко было понять, о чем они говорят. Итак, этот темноволосый человек в длинном плаще тоже счастлив в семейной жизни. Да... раньше лет на десять надо было искать спутника жизни, теперь-то все серьезные, надежные и привлекательные мужчины уже разобраны, а ты все нос задирала и делала вид, что тебе никто не нужен!

Остроносый тем временем повернулся к Лидии, которая втихомолку занималась запоздалым самобичеванием:

– Я майор Грушин, отдел расследований при городском управлении внутренних дел, ОРАП. Вот удостоверение.

– ОРАП? – повторил Артем Васильев. – Ну и название! Что-то новенькое!

– Да, это новое служебное подразделение, – уклончиво ответил Грушин, и Лидия поняла, что он не хочет вдаваться в подробности и объяснять, что такое ОРАП.

– Мы тут сумку нашли на газоне, – сообщил Грушин. – Вам она знакома, девушка?

– Ну да, это моя сумка, – кивнула Лидия. – Наверное, я ее уронила, когда рухнула в обморок.

– Я представился, теперь вы назовитесь, пожалуйста, – сказал Грушин.

– Вообще-то в сумке паспорт, – сказала Лидия. – Неужели вы не проверили ее содержимое?

– Проверил, – ничуть не смутившись, согласился Грушин. – Такая работа. Значит, вы – Лидия Александровна Дуглас?

– Совершенно верно, – кивнула она, заранее зная, какой вопрос дальше последует.

И вопрос последовал:

– К Александру Савельевичу Дугласу отношения не имеете?

– Этой мой отец. Вернее, отчим, но он меня удочерил.

– Тогда ваша мама – Наталья Сергеевна Дуглас? Ее фамилия раньше была Родинцева?

– Да.

– Знаменитая у вас семья... Они ведь оба в отставке сейчас?

– Конечно.

– Был бы счастлив познакомиться с легендарными личностями нижегородского угрозыска – конечно, не в служебной обстановке, – сказал Грушин. – Я понимаю, что вам сейчас не до того, чтобы давать показания, но попробуйте хотя бы в общих словах рассказать, что вы видели, что вы слышали, что вы знаете о случившемся.

Лидия кое-как, с пятого на десятое, сбиваясь и путаясь, сообщила, как ей почудился запах газа, как она вызвала аварийную, как ей велели ждать прибытия машины, как парни пристали к ней, почему-то решив, что она назначила свидание их пьяному приятелю Макс, как Макс уехал на случайной маршрутке, а один из парней по имени Вадька отнял у нее сумку, а потом появилась какая-то отвязная проститутка – и они потащились за ней, забыв обо всем на свете, совершенно обалдевшие. А потом из-за угла раздался крик – и, пока Лидия соображала, что делать, приехали аварийщики.

– Что значит – отвязная? – уточнил Грушин.

– Ну, она была голая, – пожал плечами Лидия. – Плащ нараспашку, а под ним – ничего. Видно было вообще все тело.

– А лицо этой особы вы разглядели?

– Ну так, более или менее.

– Словесный портрет составить сможете?

– Какой словесный портрет?! – возмущенно воскликнул Артем Васильев. – Она еле на ногах стоит, ты посмотри!

– Смотрю с большим удовольствием, – сообщил Грушин. – Так сможете составить словесный портрет, а еще лучше – фоторобот?

– Ну да, наверное, – пожала плечами Лидия. – Правда, никогда раньше не приходилось, но...

– Надо все в жизни испытать, – ободряюще улыбнулся Грушин. – Сейчас, доктор прав, вы и самом деле никакая, но завтра к половине одиннадцатого сможете ко мне на службу прийти? Вернее, уже сегодня.

– Смогу, наверное, – пожала плечами Лидия. – Думаю, с работы удастся отпроситься. А куда идти?

– На площадь Горького, в областное УВД, левое крыло, вход с улицы Короленко, у дежурного будет пропуск на ваше имя. Подниметесь на пятый этаж, вторая дверь направо от лестницы, на ней табличка: «ОРАП».

– А разрешите поинтересоваться, товарищ майор, почему гражданка должна являться в областное УВД, а не в райотдел? – послышался рядом угрюмый голос, и Лидия, обернувшись, увидела коренастого, очень широкоплечего человека со стриженной ежиком лобастой головой. Он смотрел исподлобья на Грушина, изредка зыркая на Лидию.

Вот около него-то совершенно не было тепло, надежно и спокойно. У Лидии даже волосики встали дыбом на руках от тревоги, которую внушало ей присутствие этого человека.

– Вот те на! – изумился Грушин. – Первый раз вижу районщика, который обеими руками вцепился в очевидный висяк и не желает его спихнуть доброму дяде. Вы меня изумляете, товарищ капитан. Ваша фамилия как?

– Капитан Табунов, – представился тот.

– Капитан Табунов... – задумчиво проговорил Грушин. – Табунов, Табунов... это мне что-то напоминает...

– Добрый дядя, которому можно спихнуть висяк, – это вы, товарищ майор? – угрюмо перебил капитан.

– В данный момент я его официальный представитель, – благодушно покивал Грушин.

– А почему вы так уверены, что это «висяк»?

– Потому что за три последних месяца совершено четыре подобных преступления, – пояснил Грушин. – Они не раскрыты. Все они находятся под особым контролем ОРАП.

– Может быть, если бы расследование велось под особым контролем соответствующих райотделов, эти дела не значились бы в категории «висяков»? – задумчиво глядя в небеса, спросил Табунов.

– Должен вас огорчить, – холодно сообщил Грушин, – что все эти дела передавали в ОРАП через месяц после того, как доблестные сотрудники райотделов демонстрировали полную беспомощность. Неужели вы не знаете, что десять дней назад вышел приказ по областному УВД, предписывающий все подобные случаи сразу же передавать в ОРАП?

– Интересно, зачем нас тогда вообще сюда вызвали? – снова спросил у небес Табунов.

– Потому что вызывали вас работники аварийной службы горгаза, а они не осведомлены о подведомственной иерархии и набирают, как и положено, 02. Кстати, если вам интересны этапы ведения этого дела, можете подать рапорт о прикомандировании к ОРАП, – продолжал Грушин. – Я, в свою очередь, направлю соответствующую бумагу вашему начальству. У меня реально не хватает людей, мне бы пригодился въедливый сотрудник с вашим опытом, капитан Табунов, и...

Грушин вдруг осекся, с досадой мотнул головой:

– Черт! Извините...

– Вспомнили, откуда мою фамилию знаете? – с нескрываемой враждебностью сказал Табунов. – Вот именно! Так что меня у себя не ждите. Ее, кстати, тоже не ждите.

И Табунов мотнул головой в сторону Лидии, словно она была каким-то неодушевленным предметом, не заслуживающим даже упоминания.

– Это почему? – смешно поднял брови Грушин.

– Потому что я ее сейчас задержу по подозрению в совершении убийства при отягчающих обстоятельствах, – очень спокойно ответил Табунов и повернулся к Лидии: – Руки вытяните вперед, пожалуйста.

И она увидела, что Табунов держит наготове наручники.

Из одного старого дневника

Я не успела закончить описание той страшной истории, которая приключилась на лесной дороге, как в моей комнате появилась горничная и передала просьбу хозяина принять его в библиотеке – если, конечно, я чувствую себя в силах.

Боже мой, да разве я могла не отозваться на это деликатное предложение?! Надо сказать, что господина Чужанина я еще не видела. Со мной только единожды на минуточку встретилась сестра его, Вера Сергеевна, довольно неприветливая дама в трауре. Надо полагать, именно для ее сына господин Чужанин искал гувернантку, знающую английский язык.

Я засуетилась, забеспокоилась, поспешно начала одеваться, причесываться... горничная споро помогала мне. Я уже успела заметить, что прислуга в этом доме необычайно умелая и внимательная, хотя и очень молчаливая: никто ни словом лишним не обмолвился о господах. Разве могла с такими слугами сравниться старая болтливая кухарка, которая помогала матушке по хозяйству и от которой грязи и неряшества было больше, чем пользы, а уж как сплетничала она о нашей жизни со всей окрестной прислугой! И гости у отца бывают чудаковатые, и лица да повадки у них не русские, и разговоры ведутся на чужом языке... Диво, как не донесла околоточному на странное наше житье-бытье! В конце концов матушка ее прогнала, и с тех пор мы с ней сами надзирали за нашим немудреным хозяйством.

Наконец я была вполне готова, и горничная проводила меня в просторную комнату, все стены которой были заняты книжными шкафами. Зрелище многочисленных корешков, тускло поблескивающих золотом, привело меня в такой восторг, что я прильнула к шкафам и не могла от них оторваться. Здесь были книги на французском, немецком, итальянском и, конечно, на русском: сочинения Карамзина, Пушкина, Греча, Булгарина... В отдельном шкафу стояли журналы. Ах, как мне хотелось все это прочесть! А вот книг на английском было раз, два и обчелся: пара томиков Байрона, «Мельмот-Скиталец» Чарльза Метьюрина и какой-то роман госпожи Радклифф – я не могла разобрать название, ибо корешок был сильно потерт от частого чтения.

Я приуныла – на каких же образцах литературы будем мы заниматься с племянником господина Чужанина? Эти книги отнюдь не годятся для детей, а те, которые я везла из Петербурга, судя по всему, пропали, если их не нашли на месте нападения на карету и не вернули мне.

Кто мог на них польститься? Лесные разбойники вряд ли умели читать по-английски. Наверное, бросили их в костер или утопили в болоте! Мне стало остро жаль эти книги, ведь они были друзьями детства моего, все эти «Приключения Перегрин Пикля», «Путешествия Гулливера», «Викфильдский священник», несколько томиков Ричардсона и, само собой, Шекспир, столь любимый моим отцом и мною. Особенно жаль было мне тех пометок, которые делал восхищенный гением Шекспира мой отец на полях этих томиков. На всю жизнь запомнила я, что около реплики Гамлета: «I am but mad north-north-west», «Я безумен только в норд-норд-вест», – отец написал: «Экая загадочная фраза! Она будоражит мое воображение и заставляет волосы шевелиться в некоем священном восторге!»

Увы, книги не вернуть, не вернуть и эти заметки. А для моего воспитанника придется спешно выписывать новые издания...

И тут я спохватилась, что озабочена вовсе не тем, чем следует. Меня ведь еще не приняли на должность гувернантки, хоть неким Божиим произволением, испытав все мыслимые и немыслимые ужасы и приготовившись к смерти, я все же попала в Заярское.

Послышались быстрые шаги. Я едва успела отскочить от шкафов, как дверь открылась и на пороге появился высокий мужчина в бархатном синем домашнем сюртуке, который необыкновенно шел к его синим глазам. Черные волосы, черная бородка, смуглая кожа – и эти яркие синие глаза...

Сердце мое сжалось. В жизни со мной такого не бывало! Я влюбилась в Ивана Сергеевича Чужанина – ах, как же подходила ему эта загадочная фамилия! – с первого взгляда. Думаю, по этой стезе проходила не я одна: в него, должно быть, влюблялись все дамы, которым выпадало счастье встретить уверенный, добродушный и в то же время насмешливый взгляд его синих глаз. Мне кажется, перед ним не устояла бы и сказочная принцесса!

Но я ощущала себя не принцессой, а тем, кем я была: совершенно никчемной, плохо одетой, необразованной дурнушкой. Кроме того, кто я и кто он?! Кажется, я забыла свое место. Да как я вообще могу допускать до себя такие мысли?! Это стыдно!

Я нырнула в глубоком реверансе, потом выпрямилась, но поднять глаза не посмела. Только чувствовала, как пылают мои щеки.

– Неисповедимы пути Господни, не правда ли, Марья Павловна? – раздался звучный, глубокий голос, взволновавший меня до того, что по спине пробежали мурашки. – Удивительно, что вам удалось спастись от этих извергов в образе человеческом! Еще более удивительно, что лесными запутанными тропами вы смогли добраться до Заярского! За вас кто-то молится у престола Господня, не правда ли?

– Думаю, это мои отец с матерью, – пролепетала я. – Их чистые, праведные, любящие души оберегают меня. Клянусь, что на пороге неминуемой смерти я увидела лицо моей матушки. Я растерялась, когда господин Великанов незаметно вытолкнул меня из кареты, не знала, что делать, но вдруг увидела среди деревьев мою матушку, которая манила меня и словно уговаривала спрятаться. Я послушалась ее, побежала, свалилась в какую-то ямину – это меня и спасло.

– Ах, Корней Петрович... – с горечью вымолвил Иван Сергеевич. – Если бы вы только знали, Марья Павловна, какую боль причинила мне весть о его смерти!

Он печально умолк, и я подумала, что Иван Сергеевич – человек редкого благородства. Ведь он лишился огромной суммы денег, которую вез для него Корней Петрович, однако ни словом об этом не упоминает.

– Он пожертвовал жизнью ради меня, – пробормотала я сквозь подступающие слезы.

– Ради бога, расскажите же мне, что там произошло, в лесу, – попросил Иван Сергеевич. – Вы бегло описали случившееся моей сестре, она кое-что передала мне, но я предпочел бы услышать все из первых уст.

Я торопливо пересказала историю нашего знакомства с Корнеем Петровичем, попросив прощения, что решила ехать в Заярское без согласия хозяина. Господин Чужанин улыбнулся:

– Не волнуйтесь об этом, Марья Павловна. Вы поступили совершенно правильно. Как говорится, кто смел, тот и на коня сел. Жаль только, что вам пришлось пережить такие испытания на пути сюда. Но продолжайте свой рассказ.

Я поведала ему подробности нашего путешествия, пересказала подозрения Корнея Петровича относительно кучера и его черных рукавиц, но когда дошла до самого страшного мига, речь моя утратила связность, я стала запинаться, вздрагивая от воспоминаний о пережитом ужасе:

– Раздался гулкий удар и громкий треск, словно наземь упало дерево, карета остановилась, а вслед за тем раздался протяжный волчий вой... Я решила, что на нас напала волчья стая, но Корней Петрович сказал: волки-де с топорами не ходят. Я окаменела от страха. Однако Корней Петрович приоткрыл дверцу с той стороны, которая была обращена к лесу, и шепотом приказал выпрыгнуть и бежать. Я с перепугу замешкалась было, и тогда он просто вытолкнул меня вон.

Наверное, я не решилась бы кинуться в лесную непроглядную тьму, кабы не явился мне призрак матушки, о чем я уже упомянула, и не поманил за собой. Я побежала вперед, но через несколько шагов свалилась в яму, полную сломанных веток и опавшей листвы. Вдруг до меня донесся пронзительный вопль, в котором я с трудом узнала голос Корнея Петровича. Я поняла, что это предсмертный крик, что злодеи убили его... Думаю, разбойники меня искали: ведь их сообщник кучер наверняка сообщил, что в карете Великанов был не один. От страха, что они найдут ямину, в которой я затаилась, я лишилась чувств и пролежала так всю ночь до самого рассвета. Счастье, что на дворе был уже май, ночи стояли теплые, не то я могла бы замерзнуть до смерти.

Привел меня в сознание утренний холодок, щебет ранних птиц и слабый свет, пробивавшийся сквозь путаницу ветвей и листвы. Я поняла, что Бог помиловал меня, что я жива, – и решилась выбраться из ямы. Не сразу мне это удалось, но наконец я выползла на дорогу, хорошо видную в свете восходящего солнца. На обочине лежало срубленное дерево, которым разбойники преградили, конечно, путь нашей карете, а потом оттащили в сторону, чтобы не мешало угнать экипаж.

Я смотрела на странные следы на дороге, оставшиеся в разъезженной колесами грязи. Они напоминали вмятины многочисленных коровьих копыт... И тут же я увидела лежащего посреди дороги Корнея Петровича. Никогда не забуду эту ужасную картину: его закатившиеся глаза и окровавленное, словно бы перегрызенное чьими-то острыми зубами горло... Я совершенно потеряла голову от страха и ринулась неведь куда, не разбирая дороги.

* * *

– За что?! – в ужасе пискнула Лидия.

– С ума сошел? – воскликнул доктор Васильев.

– Поосторожней, ты, лепила, – буркнул Табунов.

– Вы тоже поосторожней, товарищ капитан, – сухо произнес Грушин. – Кого и за что вы собрались задерживать?

– Гражданку Дуглас, – пояснил Табунов, и на лице его появилось что-то вроде улыбки. Похоже, страх Лидии, возмущение Васильева и неприязнь Грушина доставляли ему некое особенное удовольствие. – По подозрению в совершении убийства двух неизвестных граждан.

– Да вы что?! – взвизгнула Лидия. – Вы что?!

Губы у нее так тряслись, что визг вышел пронзительный, но нечленораздельный.

– Вы что, капитан, рехнулись? – разозлился Васильев. – Предполагаете, это она ту резню устроила?! Да я же видел трупы... она бы тут перед нами вымазанная кровью с головы до ног стояла!

– Вполне возможно, на плаще при внимательном рассмотрении найдутся следы крови, – кивнул Табунов. – Итак, протяните руки, гражданка, не вынуждайте применять силу.

Лидия покачнулась, Артем Васильев поддержал ее:

– Вам плохо? Впрочем, что я спрашиваю, еще бы! Пойдемте в машину, я дам вам что-нибудь...

– Никто никуда не идет, – перебил Табунов. – Я смотрю, вы тут из себя рыцаря решили строить? Отпущу ее с вами, а вы ее увезете на «Скорой»?

– Ему никого из себя строить не надо, – хохотнул Грушин. – Доктор Васильев и впрямь рыцарь без страха и упрека. Два года назад сам-один разоблачил банду знахарей-шарлатанов, двое главных фигурантов сидят, пособница условный срок получила².

² Об этой истории можно прочитать в книге Елены Арсеньевой «Мужчина в пробирке», издательство «ЭКСМО».

– Да мне плевать на этого дилетанта, – с яростью сказал Табунов. – Его дело – клизмы ставить, а не в мою работу лезть. Какого черта он здесь торчит? Там где-нибудь люди «Скорой помощи» ждут не дождутся, а он норовит у смазливой бабенки пульс пощупать между ног!

В глазах у Лидии все смерклося, она какое-то мгновение ничего не видела, только слышала шум, топот, сопение, ее качало, но Васильев даже не пытался поддержать, и наконец, немного справившись со слабостью, она обнаружила, что доктору не до нее: он пытается достать кулаками Табунова, а тот, в свою очередь, – его, однако ничего не получается, потому что обоих противников как-то умудряется удерживать на расстоянии не слишком высокий и на вид не отличающийся особой мощью Грушин.

В эту минуту от «Скорой» прибежал встревоженный шофер, крича:

– Артем Васильевич! Доктор Васильев! У нас вызов! Надо ехать! Бросьте вы этого полиция!

– Артем, давай отсюда, ну! – сквозь зубы сказал Грушин. – Поезжай! Не дури!

Доктор Васильев неохотно опустил руки, тянущиеся к Табунову, разжал кулаки, глубоко вздохнул, покосился на Лидию, буркнул: «Извините!» – и пошел к машине. Забрался в кабину, но перед тем, как захлопнуть дверцу, бросил еще один бешеный взгляд на Табунова и крикнул:

– Грушин, не разрешай ему! Он чокнутый!

– Не волнуйся, – отозвался Грушин, – отобьемся. Я все же старший по званию.

«Скорая» уехала.

– Лидия, – послышался рядом хрипловатый голос, – что тут происходит?

Лидия обернулась и бросилась к незаметно подошедшему невысокому седому человеку так стремительно, что споткнулась и почти свалилась в его объятия.

Грушин насмешливо хрюкнул, но тотчас принял серьезный вид:

– Здравствуйте, товарищ Дуглас. Жаль, что к пустой голове руку не прикладывают, а то с удовольствием отдал бы вам честь. Майор Грушин, ОРАП.

– Здравствуйте, товарищ Грушин, – улыбнулся отчим Лидии, осторожно сжимая ее ладонь и засовывая обе руки, ее и свою, себе в карман куртки.

Он так всегда делал, всю жизнь, когда хотел утешить, успокоить, защитить. Пальцы Лидии сразу наткнулись на изящный перочинный ножичек с костяной рукояткой, лежавший в кармане. Отец всегда носил его с собой. Рукоятка некрасиво пожелтела от времени, и было то у ножичка всего лишь одно узкое лезвие, да и то наполовину обломанное, словно его чьи-то зубы откусили. Как оружие нож проку не имел ровно никакого, но папа Саша с ним не расставался. Ножу было лет сто пятьдесят, если не больше, вполне возможно, что им в самом деле *чинили* гусиные перья во времена оны. Папа Саша уверял, что достался ножик ему от отца, а отцу от деда, ну и так далее. Семейная ценность Дугласов! При этом он делал такое значительное лицо, что все вокруг невольно начинали смеяться и в семейную ценность верить переставали. Скорей всего, очередная шутка юмориста Дугласа, который этот ножик на улице нашел!

Да и ладно, считала Лидия, пусть на улице – все равно вещь старинная, и если не родовая, то уж точно – родная, поскольку лежит в кармане отца.

Погладила его руку, потом гладкую рукоятку ножика – и сразу почувствовала себя девочкой, которую кто-то обидел, но ничего не страшно, потому что пришел папа Саша и все обидчики мигом разбежались.

Обидчик Табунов, впрочем, не разбежался, только вид у него стал еще более угрюмый.

– Явились прикрыть доченьку своей орденоносной грудью? – буркнул он.

– А что, есть от чего прикрывать? – спокойно спросил Дуглас.

– Тут убийство, – пролепетала Лидия, которой наконец-то удалось справиться с дрожащими губами. – А он, – мотнула головой в сторону Табунова, – он говорит, что это я...

– Что ты – что? – спросил Дуглас.

– Что я их убила!
– Да? – изумился Дуглас. – Не думал, что ты на такое способна! И сколько их там, твоих жертв?
– Двое, – пробормотала Лидия.
– Мужчины, женщины?
– Два парня. Они сначала у меня сумку отняли...
– Эту? – спросил Дуглас, подергав за ремень сумки, висящей через ее плечо.
– Ага.
– Ну, отняли сумку, а в отместку ты что, их прикончила и вернула свое имущество?
Понятно...

Дуглас сосредоточенно покивал. Табунов косился на него чрезвычайно подозрительно. Грушин, кажется, с трудом сдерживал смех.

Лидия вспомнила, как мама сердилась: «Сашка, я никогда не могу понять, когда ты смеешься, а когда серьезно говоришь! Эти твои дурацкие шутки...» – «Теперь это называется черный юмор», – пояснял отец.

– А каким образом произвела свои преступные действия, не подскажешь? – спросил Дуглас с неподражаемо-серьезным выражением.

Лидия пожала плечами:

– Не знаю... Они там лежат в кровище...

Тошнота внезапно подкатила к горлу, Лидия едва успела выдернуть руку из кармана отцовской курки, отскочить на несколько шагов – и ее вырвало.

Наконец она выпрямилась.

– Платок дать? – спокойно спросил Дуглас.

– Не надо, – хрипло ответила Лидия. – У меня есть.

– Ну и отлично, – кивнул он. – Значит, так, товарищи офицеры. Часа полтора назад дочь позвонила мне и спросила, по какому номеру надо вызвать аварийную горгаза. Потом сообщила, что машину ждет, как ей велела диспетчер. Мы договорились, что она немедленно отзвонится, как только приедут аварийщики. Она, однако, не позвонила, ее мобильный не отвечал. Я, конечно, поехал к ней домой, она вон там квартиру снимает, на улице Дунаева, – махнул он рукой, – но квартира была заперта, мне никто не открыл. Я позвонил в горгаз, мне сообщили, что бригада выехала по вызову Лидии Александровны Дуглас, но их задержала полиция как свидетелей преступления. Я осмотрелся и увидел ваши мигалки. И вот я здесь... Может кто-нибудь мне объяснить, что происходит?

– Я не обязан давать отчеты частому лицу, – сквозь зубы проговорил Табунов.

– Ладно, Лидия, расскажи ты, – согласился отец.

– Вы мне мешаете исполнять мои обязанности, – огрызнулся Табунов.

– Да ладно вам буйствовать, капитан, – вмешался доселе помалкивающий Грушин. – Нашли тоже частное лицо! В управлении бывали? Конечно, бывали! Стенд «Наши ветераны – гордость УВД» на втором этаже видели? Конечно, видели! Но ваш портрет там появится или нет, вопрос спорный, а портрет Александра Савельевича там точно есть. Поэтому не гоношитесь понапрасну. Рассказывайте, Лидия Александровна.

Лидия в очередной раз поведала, что произошло, стараясь не раздражаться. Все шло к тому, что эту историю ей придется повторять еще не раз... Ну что ж, деваться некуда, главное, чтобы для этого ее вызывали повесткой, а не выдергивали на допрос из камеры предварительного заключения!

Впрочем, в ту минуту, когда появился отец с его мрачно-юмористическим спокойствием, она и сама почти успокоилась. И не сомневалась, что Табунову придется придержать руки. Вдобавок «старший по званию» Грушин тоже ведь на ее стороне!

– Загадочно, – пробормотал Дуглас, когда Лидия закончила свой сбивчивый и нервный рассказ. – Могу я взглянуть на место преступления?

– Да вы что? – взвился Табунов, но Грушин внушительно выставил вперед ладонь:

– Прекратите. Я вам уже сказал, что это дело берет на себя ОРАП. Райотдел может не беспокоиться.

– Интересно знать, ваш ОРАП в самом деле надеется раскрыть хоть одно преступление? – с ненавистью спросил Табунов. – Сборище бездельников, вот вы кто. Надо было этот отдел назвать АРАП! Туфта все это – ваш отдел, его задачи! Версии-то хоть у вас есть по всем тем случаям, которые вы под себя подгрести? Или только рожи умные корчите?

– Пройдите, Александр Савельевич, взгляните, это вон там, за углом, – сказал Грушин, словно не слыша Табунова.

– Вы можете творить что хотите, но я постороннего человека одного на место преступления не пущу, – заявил Табунов и зашагал вслед за Дугласом.

Расшифровка магнитофонной записи допроса Паршина Г. Ф. по делу № 312 (служебная отметка – ос) от 18 июня 1983 года

Допрос ведет следователь прокуратуры Советского района г. Горького Лесков Н. В.

Лесков: Геннадий Федорович, напоминаю: вы подписали обязательство о неразглашении обстоятельств этого дела. Вступать в какие-либо разговоры и давать кому-либо информацию касательно случившегося вы не имеете права под угрозой уголовной ответственности.

Паршин: Выходит, и вашим не говорить ничего? И вам тоже?

Лесков: Я имею в виду кому-либо, за исключением работников внутренних дел и прокуратуры – после предъявления ими служебного удостоверения и исключительно в служебных кабинетах.

Паршин: На папочке ОС написано – это что же, если не секрет?

Лесков: Именно секрет. ОС – особая секретность.

Паршин: Значит, правду говорят, будто там сила нечистая поработала? Или инопланетяне?

Лесков: От кого вы это слышали?

Паршин: Ну... от разных людей.

Лесков: Это довольно странно, поскольку вы являетесь единственным свидетелем по этому делу. Как только на месте преступления появились сотрудники уголовного розыска, оно было немедленно изолировано. А наши сотрудники, так же как и работники «Скорой помощи», дали подписку о неразглашении тайны. Причем они очень хорошо понимают, что это значит.

Паршин: И что это значит?

Лесков: Тайна предполагает молчание. Служебная тайна предполагает полное молчание. Полное!

Паршин: Скажите еще – гробовое!

Лесков: Не исключено.

Паршин: Вы меня пугаете, что ли? Сейчас небось не 37-й год, чтобы органы распоясывались как хотели.

Лесков: А почему вы думаете, что опасаться следует этих самых органов? Если преступники узнают, кто именно предоставил их описание следствию, я не дам за вашу жизнь и трех корочек хлеба.

Паршин: Чего?!

Лесков: Ломаного гроша не дам – так понятно?

Паришин: Да, черт меня за язык потянул, вот уж точно – черт...

Лесков: Давайте ближе к делу, Геннадий Федорович, хорошо? К делу и реальности. Оставим в покое инопланетян, чертей и прочую нечистую силу. Мне бы хотелось для начала уточнить, знали ли вы убитых.

Паришин: Конечно, знал, то есть не лично, а в лицо знал. Я всегда местные новости смотрю, а их как раз вчера показывали. Это главный режиссер... был... нашего Театра комедии и их главная артистка. Лира Леонтьева. Очень красивая. А его имени я не запомнил. Помню фамилию – Костромин. Сам-то я в театр не хожу, времени нет, но по телевизору сказали, что они будут ставить «Мастера и Маргариту», вот Маргариту и будет эта самая Лира Леонтьева играть. Завтра театр едет на гастроли, говорили, а после этого откроет новый сезон новым спектаклем. Теперь черта с два откроет!

Лесков: Ну, театр не закроется из-за смерти режиссера и одной из актрис. Спектакля, конечно, этого не будет... Жаль. Ну, продолжим. Расскажите мне еще раз, что именно вы видели тем вечером.

Паришин: Я пошел покурить. Жена не разрешает дома. Вышел на площадку, встал у окна. Смотрю во дворик, жду спектакля.

Лесков: Не понял?

Паришин: Ой, ну да вы же видели наш дворик. Со всех сторон закрытый старыми двухэтажными домишками, сверху крыши нависают, в общем, он, как этот... раньше в спальнях такие были... под пологом...

Лесков: Вы имеете в виду альков?

Паришин: Вот именно. Альков. И в этом алькове вечно кто-нибудь... ну, вы понимаете. Чуть не каждый вечер кто-нибудь да предается нечистым, так сказать, страстям. Почему-то забывают, что кругом люди живут, что могут в окошко выглянуть. Я такое не раз видел. Ну вот и сейчас. Главное дело, луна сияет, все разглядеть можно! Он ее к стенке сарая притиснул и... это... понуждает, как мой дед выражался. Аж сарай скрипеть начал! Ну, тут она застонала – знаете, как женщина стонет, когда ее достанешь, – и он заохал да заахал, хорошо, значит, ему, – и отпустил ее. Стали они застегиваться да прихорашиваться, а сами так довольненько похихатывают да целуются. Вдруг она замерла и рукой через его плечо на что-то показывает. А глаза в два раза больше стали! И рот открыла, да ни слова выговорить не может! И раз – поползла по стеночке сарая... В обморок, значит, упала.

Он-то, режиссер этот, Костромин, начал ее поднимать, потом вдруг замер, будто что-то почуял, обернулся... и руками начал махать, и тоже рот открыл, а кричать не может. Потом схватил эту, которая в обмороке, приподнял ее и потащил к подворотне – чтобы, значит, из двора бежать... и все оглядывается, все оглядывается. Тут и я увидел, от кого он бежит.

Идет голая женщина, ну вся голая, на плечи только плащик легонький наброшен. Я смотрю и глазам не верю... Идет и как-то ковыляет, с ноги на ногу переваливается, будто не туфли на ней, а коровьи копыта. Лицо бледное, как мертвое, под глазами черно, губы черные, а может, так при лунном свете чудилось. Идет и руки к ним тянет с черными ногтями. Нет, конечно, они, наверное, красные были, просто так казалось... Ну, он, Костромин, в подворотню кое-как втащил свою девушку, а она, эта, голая-то, метнулась за ними – и тут же слышу: вскрикнул кто-то, потом хрип – и все стихло.

Я стою, будто прибило меня к месту, жду, выйдет кто-то из подворотни или нет, но так и не дождался, хотя минут пять прошло. Побежал в другую комнату – ну, окнами на улицу, – тишина, ну так ведь за полночь уже было, это небось в Москве толпами народ гуляет в такую пору, а в нашей дыре все дрыхнут без задних ног. Вдруг вижу – вдали идут под ручку мужчина и женщина, не видел, как одеты, вроде он в джинсах был и в темной рубашке, а в руках, показалось мне, большую сумку держал.

Лесков: Все?

Паришин: Да вроде все.

Лесков: Вам ничего не показалось странным в облике или поведении этой пары?

Паришин: Какой? Которая шла по улице? Да вроде нет, хотя да... я потом вспомнил, что женщина вроде в плаще была, а жарница стояла что днем, что ночью.

Лесков: И что вы делали потом?

Паришин: Потом вернулся к другому окну и вижу – из подворотни какой-то черный ручей течет. Я даже не подумал, что там кто-то свои делишки поделал, ну, помочился или что, – нет, сразу неладное почуял. Пошел, посмотрел... увидел тех двоих, режиссера и девушку его... все в кровище лежали, будто им кто-то горло перегрыз, какой-то зверь! Ну, меня тут же и вывернуло под стеночку. А потом что? Потом побежал домой, чтобы в милицию позвонить...

* * *

– Он боится, что отец заметет мои следы, что ли? – со слабой улыбкой проговорила Лидия. – За что он меня так возненавидел, этот капитан? Да и к вам он реально неравнодушен...

– Не ко мне, а к ОРАП, который я представляю и возглавляю, – уточнил Грушин. – Видите ли, среди дел, которые забрали у райотделов и передали нам, было также и то, которое вел Табунов. Я не сразу, но все же вспомнил его. Жертвой очень похожего преступления стала его жена. Она и ее спутник... оба были убиты на улице. Таким же страшным образом, как эти два парня.

Лидия хотела спросить, когда это случилось, но ее снова затошнило, и она предпочла промолчать.

– Табунов был отстранен от участия в расследовании как лицо заинтересованное. Он считает это несправедливым. Убийцу мы пока не нашли, но Табунов убежден, что убийство совершила женщина.

– Это почему он так решил? – насторожилась Лидия.

– Ну, он... – Грушин посмотрел задумчиво. – Он, когда понял, что убийство раскрыть довольно сложно, впал в отчаяние и обратился к экстрасенсу, а тот сообщил, что в убийстве напрямую замешана женщина.

– Обратился к экстрасенсу?! – изумленно повторила Лидия.

– Ну да, а что такого? Очень популярная публика! На самом деле люди суеверны ничуть не менее, чем двести-триста лет назад, когда, чуть что, бежали к знахаркам, колдунам и цыганкам. Между прочим, вы вообще знаете, что такое ОРАП?

– Нет, откуда же мне знать?!

– Ну так вот, это – Отдел расследования аномальных преступлений. Понятно? Всех, в которых присутствует некий элемент...

Он запнулся.

– Сверхъестественного? – с недоверчивой улыбкой подсказала Лидия. – Инопланетяне-насилыники? Привидения-грабители? Колдуны-отравители?

– Оборотни-убийцы, – продолжил Грушин. – И все такое... Да, вот именно, вы совершенно правы. Чем дольше живем, тем отчетливее, знаете ли, понимаем, что всякое бывает. И не только в рамках прокрустовы ложа объективной реальности! Само собой, об этом на всех углах не заявляют, потому что в некоторых случаях довольно трудно провести грань между истинным, видимым, подтвержденным, – и воображаемым. Но мы это делать пытаемся. Нам тоже приходится обращаться за советом к людям со сверхчувствительным восприятием, то есть с экстрасенсорными способностями. Именно поэтому никто из нас и не отрицает, что убийцей или пособницей убийцы во всех случаях, аналогичных и этому, – он кивнул в ту

сторону, куда ушли Дуглас и Табунов, – и тому, когда погибла жена нашего капитана, и в самом деле могла оказаться женщина.

– Слушайте, – вдруг спохватилась Лидия. – Но ведь он прав! Ну, экстрасенс этот! Прав! Я ведь тоже видела женщину! Ту проститутку полуголую! Странно, что Табунов этот рассказ мой как будто мимо ушей пропустил, а сразу ко мне прицепился.

– Описание этой дамы, видимо, показалось ему несколько... экстравагантным, – пожал плечами Грушин, – не слишком-то правдоподобным.

– Ну да, голая проститутка – это неправдоподобно, а совета спрашивать у экстрасенса – это нормально! К тому же я – ходячая иллюстрация к теории Ломброзо! – возмущенно воскликнула Лидия. – Просто дело в том, что я рядом оказалась, а проститутку еще искать надо! Ему ведь, такое ощущение, безразлично, с кем свое чувство мести утолить!

– Тише, они возвращаются, – одернул ее Грушин. – Кстати, я рассказал вам историю о жене Табунова только для того, чтобы объяснить некие странности его поведения, а вовсе не для того, чтобы вы сейчас на него накинулись с изобличениями суеверий. Вы дочь ветерана полиции и должны понимать, что такое служебная тайна.

Лидия кивнула.

Вообще-то ей даже стало жаль Табунова. Жена погибла... да вдобавок с ней был какой-то мужчина... Может быть, ее любовник? Вот ужас, после смерти жены узнать, что она тебе была неверна! Немудрено рассвирепеть и сделаться женоненавистником!

Появились Дуглас и Табунов. Первый был очень серьезен, а второй откровенно зол.

Дуглас бросил испытующий взгляд на Лидию и сказал:

– Товарищи офицеры, прошу вас отпустить мою дочь. Она еле стоит на ногах. Для дачи показаний она явится куда угодно в любое время. Вы же прекрасно понимаете, что она не имеет отношения к этому преступлению, поскольку аналогичные совершались и раньше.

– Это, – сухо перебил Табунов, – мне известно, как никому другому. Однако согласитесь, что мы вполне можем допустить такую версию: ваша дочь замешана и в совершении предыдущих убийств, которые имели место быть за последние четыре месяца! Это типичные серийные преступления, а значит...

– А значит, моя дочь вполне годится на роль серийного убийцы? – усмехнулся Дуглас. – Да бросьте! Впрочем, если вам в самом деле нечего делать, давайте, ищите следы ее причастности к тому, о чем она не ведает ни сном ни духом. Но я, говоря об аналогичных преступлениях, имел в виду вовсе не четыре минувших месяца, а то, что произошло тридцать лет назад. Тогда один за другим произошли два подобных случая. Было подозрение, что даже три, однако первое дело потом закрыли за недостаточностью улик. Два других преступления так и остались нераскрытыми. Тридцать лет назад Лидии было шесть... я, правда, с ней познакомился, когда ей уже исполнилось десять, но все же убежден, что в раннем детстве она не страдала жаждой крови... не страдает и теперь. Опять же вопрос: где орудия преступления? Вы же не допускаете, что она собственные зубы в ход пустила? Картина преступлений прошлых и нынешних та же: шеи жертв перекушены, горла перерваны, в грязи следы коровьих копыт... Здесь я их тоже увидел.

– Господи... – выдохнула Лидия, которую снова затошнило.

– А вы откуда знаете все эти обстоятельства? – угрюмо спросил Табунов.

– Просто я работал по одному из тех дел, – вздохнул Дуглас. – Голую женщину в небрежно накинутом плаще описывал один случайный свидетель. Следы я видел сам.

– Я, кстати, собирался поработать в архивах, – сказал Грушин пристыженно. – Жалею, что пока не собрался. Но завтра же подниму эти материалы.

– Лето 1983 года, потом декабрь того же года, точнее не припомню, – проговорил Дуглас. – Также над этими случаями работал следователь прокуратуры Никита Викторович Лесков, ныне, к сожалению, покойный.

– Никита Викторович вел эти случаи? – удивилась Лидия.

Она отлично помнила этого человека и знала историю его отношений со своими родителями. Когда-то в Никиту Лескова была влюблена ее мама, Наталья Родинцева. Лидия до сих пор помнила, как он читал ей, еще маленькой, «Приключения Буратино» и как мама на него смотрела... Но Лесков женился на другой: на молодой женщине, которая проходила свидетельницей по одному расследуемому им убийству. Тогда Наталья – с горя, но на счастье, как она частенько говорила, – приняла предложение давно ее любившего Александра Дугласа по прозвищу Сашка Цыган. Лесковы и семья Дуглас дружили много лет, но потом Никиту Викторовича убил преступник, вернувшийся из заключения, куда был отправлен именно Лесковым³.

Жена Никиты Викторовича и дети уехали из Нижнего; виделись теперь они с Дугласами очень редко, но оставались друзьями.

– Я поищу это дело завтра же, – повторил Грушин. – Вернее, уже сегодня. Можно будет к вам обратиться, если понадобится что-то уточнить?

– Что за вопрос? – пожал плечами Дуглас. – Да, кстати... я обратил внимание, что около трупов валяются документы и деньги. Кто выворачивал карманы?

Грушин пожал плечами:

– Я уже застал такую картину.

– Я тоже! – с вызовом поддакнул Табунов. – Люди, обнаружившие труп, клянутся, что близко не подходили.

– И я склонен им верить, – кивнул Дуглас. – Пошли, Лидия?

– Извините, а может, и мы тоже пойдем? – раздался мужской голос, и Лидия увидела одного из работников горгаза, приехавших на ее вызов. – А то диспетчер иззвонила вся, надо ехать на аварию...

– Кстати, а вы нашли источник запаха, из-за которого вас гражданка вызывала? – спросил Табунов.

– Да, нашли около газгольдера, – кивнул аварийщик. – Спасибо девушке, все были бы такие сознательные...

– Лучше не надо, – проворчал его напарник, стоявший в сторонке и слушавший разговор.

– Хорошо, идите, – демонстративно не обращая внимания на Грушина, позволил Табунов. – Все ваши данные записаны.

– Мои тоже записаны, – сказала Лидия, отчаянно завидуя торопливо уходящим газовщикам. – И мой отец за меня ручается. Можно мне тоже уйти, а то я сейчас в обморок упаду!

Табунов молчал, проглядывая свой блокнот.

– Послушайте, капитан, напоминаю: это дело уже не в вашей компетенции, поэтому не лезьте в служебный сапог! – раздраженно начал было Грушин, и Табунов зло сморщился:

– Ладно, идите! Завтра явитесь на допрос к товарищу Грушину в его АРАП.

И, выпустив эту парфянскую стрелу, он свернул за угол. Оттуда послышался писк отключенной сигнализации, сердитое хлопанье дверцы, а потом удаляющийся рокот мотора.

Вслед раздался дружный вздох облегчения.

Из писем В. Маршевой в редакцию журнала «Непознанное»

Волчи зубы

Моя баба Катя была неграмотная деревенская знахарка, но к ней, случалось, приезжали подлечиться и из города. Она не только травы давала целебные или какие-то мази самодельные, но и зубы больные заговаривала, как никто.

Вот приехал один человек и жалуется:

³ Об этой истории можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «Лесная нимфа», издательство «ЭКСМО».

– Баба Катя (а надо сказать, что ее все звали бабой Катей, по имени-отчеству никто не называл, а называл, так она не откликалась!), что-то у меня с зубами. Болят зубы – спасу нет! Я по скольким врачам ходил, а вылечить меня не могут!

– Эх, серый, – отвечает она ему, – это у тебя волчьи клыки чешутся. Ты бы погрыз деревяшку – тебе полегало бы. Можно крепкие кости грызть – только не людские.

Человек перепугался и ну от нее бежать. Не стал машину попутную ловить и даже автобуса не дождался – до станции десять километров бегом пробежал, будто баба Катя ему не несколько слов сказала, а трут в задницу воткнула.

Он, значит, убежал, а бабка моя у печки села и ну плакать. Ее спрашивают:

– Ты что, баба Катя, плачешь?

А она говорит:

– Да жалко мужика, он же не виноват, что у него волчьи клыки лезут! Знать, кто-то из его женской родни с псом сношался... бывает, бабы вдовы тешут себя непотребно! Родился потом у нее ребенок – вроде и человек, а песья кровь гуляет. Порой и волчья примешается: в наших местах ведь много бродячих собак от волков понесли... Глядишь, такое отцовство перебродит бесследно, а глядишь, в правнуках и скажется. Ой, чую, бедный тот волчище натворит бед...

Так оно и вышло, как она предсказала. Тот человек сначала зубы точил о бараньи да коровьи кости – на базаре покупал, отваривал да грыз. Потом варить перестал, сыромятину жрал. А там и... впился в горло одной девушке да и загрыз ее. Она артисткой была, да ему ведь все равно, кого грызть. И кавалера ее загрыз. А сам всю одежду с себя сорвал и бежать кинулся. Глядят, а ведь это не человек, а волк!

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Чем дальше в лес, тем толще партизаны! Вот еще не хватало в нашем журнале пропаганды скотоложства! И не напоминайте мне, Лидия Александровна, про рассказ Мериме. Что дозволено Юпитеру, не дозволено этой Вашей графоманке!

В корзину!

Из одного старого дневника

Ужас при рассказе об этом вновь захлестнул меня, и прошло некоторое время, пока я собралась с силами и смогла снова заговорить:

– Я не помню, куда шла, не знаю, какие силы привели меня к Заярскому... Я могу только благодарить Бога за то, что он смилостивился надо мной и позволил остаться целой и невредимой.

– И я должен благодарить его за то же, – вдруг сказал Иван Сергеевич, и я уставилась на него изумленно.

Он несколько смутился, отвел было глаза, но тут же взглянул с прежней открытостью и пояснил свои слова:

– Я очень рад, что мой племянник все же получит превосходную учительницу английского. Я, прямо скажем, в сей дисциплине не силен, но сестра моя будет счастлива говорить с вами на языке, который она так любит.

– Так она знает по-английски? – удивилась я.

– Конечно, и преизрядно, – кивнул Иван Сергеевич. – Она ведь несколько лет провела в этой стране и была замужем за англичанином. Когда добрый друг мой и зять Вольф Дуглас скончался, сестра вернулась домой. Это было всего лишь год назад.

– Вольф Дуглас?! – изумленно повторила я.

– Ну да. Ее фамилия – миссис Дуглас. Разве вы этого не знали?

– Нет, – промямлила я. – Она назвалась Верой Сергеевной, упомянула, что ваша сестрица... Но скажите, сударь, ваш племянник – он тоже знает по-английски?

– Да он лишь по-английски и говорит, – засмеялся господин Чужанин. – Ведь он родился в Англии и пять лет своей жизни там провел.

Я растерянно хлопнула глазами. Как ни хорошо знала я английский язык, но все равно не могла сравниться с людьми, для которых он был родным или почти родным. Чему я смогу научить этого мальчика?! Скорее, мне придется у него учиться!

– Отчего же миссис Дуглас не привезла с собой настоящую английскую гувернантку или няньку? – почти испуганно спросила я.

– Да ведь кто в нашу глухомань поедет! – развел руками Иван Сергеевич. – Но вы, я вижу, обеспокоены? Бойтесь, что ваш ученик окажется более сведущим?

Я стыдливо кивнула, дивясь его проницательности.

– Скажу вам правду, – признался Иван Сергеевич. – Я беспокоюсь не столько о том, чтобы племянник мой не забыл английский, сколько о том, чтобы он хорошо выучился по-русски. Сейчас с ним очень трудно. Он говорит только с матерью и только на родном языке. Прислуги дичится, меня тоже – ведь никто из нас и двух слов по-английски связать не может. Я хотел, чтобы сестра учила его по-русски, но она замкнулась в своем горе и живет только воспоминаниями о муже и своем английском житье-бытье. Даже странно, что она не упомянула своей фамилии и не потребовала называть ее миссис Дуглас! Моих доводов о том, что жизнь ее сына отныне связана с Россией, Вера Сергеевна и слушать не желает. Я очень надеюсь, что вы завоеуете доверие мальчика и приучите его для начала отзываться на Сашку, а не только на Алекса.

Чужанин засмеялся, и у меня сразу стало легче на душе. И я решилась спросить о том, что не давало мне покоя:

– Скажите ради бога, Иван Сергеевич, как вы думаете, кто мог совершить это ужасное злодеяние? Кто напал на карету, кто убил господина Великанова? Извещена ли об этом полиция? Будут ли предприняты разыскания?

Иван Сергеевич помрачнел.

– Конечно, и полиция извещена, и разыскания уже начались, – сказал он угрюмо. – Да только что проку?

– Отчего же? – удивилась я.

– Оттого, что сразу за границами моего имения начинаются такие глухомани, такие чащобы непроезжие, что там не только разбойное логово, но целую потайную армию скрыть можно. И полиция в те места не сунется.

– Как так – не сунется? – возмутилась я.

– Да вот так, – вздохнул Иван Сергеевич. – У нас нередко бесследно пропадали целые обозы, не то что одинокие кареты. Изредка их находили дочиста ограбленными, путников – убитыми: с перегрызенным горлом, как у бедного Корнея Петровича, или с перекушенной сзади шеей. Похоже было, что поработали волки... Но самое странное, что в дорожной грязи вокруг всегда были отпечатки коровьих копыт.

– Но что же в этом странного? – робко спросила я. – В таких глухих лесах должно быть много волков, а коровьи стада в деревнях тоже не редкость.

– Конечно, только коровы никогда не пойдут туда, где почуют волков, – сказал Иван Сергеевич. – И никакой пастух не погонит их в самую глушь лесную.

Он помолчал и добавил:

– Кроме того, коровы ходят на четырех ногах, а не на двух. Однако на местах страшных преступлений частенько видели только по два отпечатка копыт рядом... И знаете, что говорят в наших местах? Говорят, что злодеяния творят не люди, а оборотни. Оборотни с волчьими зубами и коровьими ногами. А их никто никогда не найдет, никакая полиция, тем паче, если нет особого усердия, а есть только страх. Поэтому, хоть я ни в каких оборотней не верю, я уже

простился со всякой надеждой вернуть то, что вез для меня бедный Корней Петрович, а также с надеждой отыскать его убийц и похитителей денег.

* * *

Обычно, когда кто-нибудь подвозил Лидию, она просила притормозить еще на улице, не заезжая во двор. Там обычно стояло столько машин, что заехать-то было легко, а вот выбраться обратно – довольно трудно. Приходилось выкручивать задним ходом, ежеминутно рискуя задеть автомобили, которые здесь, в этом старом, тихом и тесном дворе, бесцеремонно ставили жители соседних новых домов.

Лидия частенько думала, что совсем не лишним было бы поцарапать пару роскошных тачек – может быть, это отучило бы их хозяев сюда соваться, – но сама она машину не водила, к сожалению.

Однако на сей раз она не стала спорить, когда Дуглас свернул во двор, подвез Лидию к самому подъезду и не только проводил до третьего этажа, но и вошел вместе с ней в квартиру.

Лидия переступила через порог, да так и замерла, протянув руку к выключателю: показалось, что в комнате горит слабый свет, исходящий словно бы из стены. Но он тотчас погас, как будто кто-то выключил его, услышав шаги.

Отец это тоже заметил и, отодвинув к стене Лидию, скользнул мимо нее. Легкий шелест ткани подсказал, что он сунул руку под борт куртки. Значит, поехав сегодня выяснять, что случилось с дочерью, папа Саша взял с собой пистолет... Профессиональная привычка к тому, что неожиданности бывают только неприятными!

Спустя мгновение, впрочем, раздался смешок и отец позвал:

– Иди сюда! Нет, подожди, не включай свет!

Лидия вошла в комнату – и сразу поняла, в чем дело. Поднялся ветер, и ветви деревьев, которые обычно заслоняли фонарь, стоявший против окна, сейчас мотались из стороны в сторону. Фонарь отражался в зеркале... комната то наполнялась тусклым светом, то он исчезал.

Лидия включила люстру, задернула шторы и обернулась к отцу:

– Пап, ну, спасибо, что подвез, теперь давай домой, ужас, как поздно!

– Слушай, – сказал он, с любопытством оглядываясь, – а ведь я у тебя здесь еще ни разу не был... Любопытная комнатка! Это все хозяйкины вещи?

– Ну, некоторым образом, – вяло проговорила Лидия, у которой натурально закрывались глаза. – Хозяйка и квартиру, и обстановку, и все прочее унаследовала от тетки. Тетка работала в нашем кукольном театре – художником-бутафором. Делала кукол.

– Кукольником то есть была? – уточнил Дуглас. – Или кукольницей?

– Да вроде, кукольник – это артист, который заставляет кукол двигаться и говорит за них. А впрочем, я не знаю, – зевнула Лидия. – Она была главным художником и сама придумывала лица персонажам. Сначала делала маски, а потом, после одобрения худсовета, и кукол. Жанна говорила...

– Жанна? – повторил отец. – Ах да, хозяйка теперешняя. Племянница кукольника. Или кукольницы? И что она говорила?

– Я уже забыла, – снова зевнула Лидия. – Ах да, что худсовет довольно часто тетушкины эскизы отвергал, поэтому она обиделась и ушла из театра, но самые любимые маски с собой забрала. Вот они висят. Классные, правда?

Вся стена рядом с зеркалом была увешана удивительными физиономиями. Леший, шаман, волк, лев, пират, циклоп, Медуза Горгона, Баба-яга, дракон, еще какие-то маски – все ярко раскрашенные, с приклеенными волосами или головными уборами. Некоторые были веселые и симпатичные, некоторые – уродливые и страшные.

– Отличные маски, – согласился Дуглас, – не понимаю худсовет!

Лидия тупо кивнула. Ей было сейчас не до худсовета и не до масок. Предел ее прочности грозил вот-вот наступить, а папа Саша, всегда такой внимательный и заботливый, почему-то не замечал, что она просто с ног валится. Он то маски разглядывал, то к книгам перешел.

Книг в этой квартире было раз, два и обчелся. Видимо, хозяйка не любила читать. Лидия любила, но она все, что хотела, закачала в ридер, с собой свои книжки из дома не забирала. Она не первый раз меняла квартиру и предпочитала большинство вещей, и тем паче книг, держать у родителей. И вообще, ей с самого начала казалось, что она долго в этой квартире не заживется.

Жанна оказалась довольно бесцеремонной хозяйкой. Частенько появляется без предупреждения, открывает дверь своим ключом... С одной стороны, конечно, хозяин – барин. С другой – неделикатно это. Да и вообще... Уютно, удобно в квартире, а все-таки что-то не то. Может, Жанна наврала, что тетя умерла в больнице? Может, она все же в квартире умерла? Иногда что-то такое остается в атмосфере дома... Но в спальне-то Лидия себя отлично чувствовала, а вот в гостиной всегда было не по себе. Она даже жалела, что заплатила на два месяца вперед. Придется пока пожить, конечно, здесь, но что-то другое подыскать стоит.

Отец снял с полки громоздкий том Шарля де Костера, открыл наудачу, прочел:

– «...вдруг смотрю, волк: морда у него зеленая, в белой шерсти длинные камышинки торчат. Я как закричу: «Соль, соль, соль!» – и крещусь, и крещусь, а ему хоть бы что. Я – бежать, я – кричать, а он – завывать! Слышу: позади меня щелкает зубами, совсем близко, вот сейчас схватит. Тут я еще припустила. На мое великое счастье, встретился мне на углу Цапельной улицы ночной сторож с фонарем».

– Господи, – пробормотала Лидия, вспомнив свое видение железного волка. – Кошмар какой!

– Да уж, страсти-мордасти, – усмехнулся отец. – Когда-то очень хотел прочитать эту книгу, да не мог достать, и в библиотеке она вечно была на руках. Так и не удалось.

– Ты ничего не потерял, – буркнула Лидия, зябко поеживаясь. Она еще девочкой читала эту книгу, но без всякого удовольствия, уж очень история Уленшпигеля была страшной и жестокой.

– А книжка-то библиотечная, – продолжал отец. – «Библиотека номер два Ленинского района», вот и штамп. И вернуть ее следовало еще в декабре 83-го! В прошлом веке!

Из книги выпал пожелтевший конверт, скользнул под диван.

– Ого, – сказал отец, задвигая книгу на место. – Прошу прощения. Сейчас достану.

– Да ничего страшного, – зевая, сказала Лидия. – Там вместо обратного адреса штамп той же библиотеки стоит. Наверное, напоминание, чтобы книжки вернули. Тут еще одна библиотечная есть – «Рассказы о Ленине» Зощенко.

– Да ты что? – удивился отец. – Я когда-то читал ну прямо запоем, когда пацаном был.

– Мне тоже нравилось, – кивнула Лидия. – Раньше их все читали.

– А помнишь, как жандармы с обыском пришли, – оживился отец, – книжки проверять, искать запрещенные, а Ленин стул хитренько подставил, чтобы жандарм начал сверху искать, ну, ему и надоело, нижние он уже кое-как просматривал, так ничего опасного и не нашел. А «Чернильница из хлеба»...

Тут Лидия зевнула, больше не в силах сдерживаться. Как бы отцу намекнуть, что ему пора ехать? Ну прямо самое время старые книжки обсуждать!

– Пап, я утром конверт достану, а то сейчас спать охота ну просто очень.

– Хорошо, – сказал отец. – Поехали. Дома поспишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.